Гиршкопф, М.Е.

Кто и что победит большевиков,

2 экз

Варшава, 1921

НИЛ — Библиотека

ЦР

Г 483

36333
Кор
2.54
098
891.7
Г51

Д-р М. С. ГИРШКОПФ

Пролетаріи всѣх стран отвѣчайте!

Кто и что побѣдит большевиков

ВАРШАВА

1921 г.

ЦР
Г483
3633

Д-р М. С. ГИРШКОПФ

Кто и что побѣдит большевиков

891.7
Г51

Предлагаемая брошюра составлена на основаніи близкаго знакомства с жизнью в Совѣтской Россіи, гдѣ авторъ служил врачем с самаго начала существованія Совѣтской власти по октябрь 1920 г.

ВАРШАВА
1921 г.

II отд 7К5.

ЦР
Г 483

(006
29)

185/16 с1.

1083305

2012

Большевизм, этот мертворожденный опыт осуществленія и водворенія в жизнь соціализма, или даже коммунизма, как говорят сами большевики, стал язвой Россіи, язвой Европы и, поскольку в каждом государствѣ имѣются большевистскіе элементы, язвой всего міра. Это, кажется, в настоящее время ясно не только русскому „контрреволюціонеру", но и всякому культурному человѣку, все равно буржую или пролетарію, если только он не потерял способности смотрѣть на вещи с открытыми глазами и здраво мыслить.

От этой язвы прежде всего должна освободиться сама Россія. Широко распространившись по государственному тѣлу Россіи, большевистская язва постепенно и основательно разрушает всѣ ткани хозяйственнаго организма и духовную жизнь народа. Она не только в конец уничтожает имѣвшіеся запасы матеріальных богатств: лѣса, сады, скот и скотоводство и связанныя с послѣдними отрасли промышленности, не только уничтожает фабрики, заводы и банки, этот важнѣйшій жизненный нерв торговли и промышленности, но, что еще хуже, она уничтожает и запасы духовных цѣнностей. Одѣвшись в волчью шкуру носителей новых идей, новых, болѣе идеальных основ жизни, большевики совершенно сознательно содѣйствуют вымиранію интеллигенціи. А вѣдь не в мертвых книгах заключается запас духовных сил, запас умственных способностей и знаній, а в тѣх живых людях, которые постепенно вымирают с одной стороны вслѣдствіе их неумѣнія приспособляться к экономическому строю, гдѣ царствует открытый грабеж, с другой стороны вслѣдствіе непосредственных гоненій и преслѣдованій со стороны большевистских властей.

Уничтожая матеріальные и духовные источники жизни, они уменьшают общую сумму богатств, понижают общій уровень національнаго благосостоянія и подрывают устои соціальной жизни всего народа.

Во вскрытіи и уничтоженіи большевистской язвы заинтересована впрочем также и вся Европа, и то и в матеріалном и в идейном отношеніях. По отношенію к западной Европѣ Россія всегда играла роль крупнѣйшей деревни, которая доставляла в этот обширный промышленный город всѣ свои сельскіе продукты. До войны Россія вывозила в Европу ежегодно: хлѣба больше 500 мил. пудов, масла больше 10 мил. пудов, кромѣ того, мяса, дичи, яиц, сахару, кожи, лѣсу, щетины и т. п. В настоящее время промышленная западная Европа сильно ощущает недостаток этих необходимых продуктов питанія и сырья. Этим недостатком их на европейском рынкѣ объясняется их относительная дороговизна, от которой так страдает населеніе западной Европы. С другой стороны торгово-промышленная Европа теряет в лицѣ Россіи громадный рынок для сбыта продуктов своей промышленности. Как никак Россія и теперь насчитывает около 120 милліонов потребителей, привыкших покупать и только временно принужденных не являться на міровой рынок за необходимыми товарами.

Вообще на міровом рынкѣ Россія, как крупнѣйшій поставщик и консумент представляет такой крупный фактор в экономической и политической жизни Европы, что, не боясь преувеличенія, можно сказать: **пока в Россіи не установится нормальный общественный порядок,** т. е. такой, который в основѣ своей не противорѣчит устоям общественнаго порядка западной Европы, **общеевропейскую войну ни в коем случаѣ нельзя считать оконченной**. И то несмотря на то, что Америка устами ея вновь избраннаго президента заявляетъ, что побѣда одержана, война окончена без всяких дальнѣйших обязательств, и что потому Америка может

умыть руки, а там пусть Европа дальше сама путается с послѣдствіями своей европейской войны.

Большевики, эти **рабски**-вѣрные послѣдователи исключительно реальной политики нѣмецкой школы, готовы истерически смѣяться над каждым, кто только заговорит об идеѣ в политикѣ. Однако я твердо вѣрю и убѣжден, что період господства грубаго реализма и матеріализма в жизни, и даже в политической жизни, період полнаго пренебреженія ко всяким нравственным идеям должен придти и приходит к концу. Идея, ушедшая с легкой руки нѣмецких ученых и политиков в подполье и бывшая долго в изгнаніи, начинает опять выплывать на поверхность и очень скоро начнет играть все большую и большую роль. Нужно только хотѣть это видѣть и понять. Впрочем признаки начинающагося господства идеи уже и сейчас довольно сильно замѣтны.

Стоит только указать хотя бы на два примѣра: на большевиков и на их, я бы сказал, именно в идейном отношеніи главных противников - на англичан.

Уже второй год ведутся переговоры о торговых сношеніях между совѣтским и англійским правительствами. Казалось бы, что глава англійскаго правительства, сѣтующій на то, что Европа имѣет на своих плечах только ворохи с бумагами, но никаких осязательных цѣнностей, и отлично понимающій все громадное значеніе для Европы русскаго сырья и русскаго рынка, в переговорах с большевиками должен был бы выдвинуть на первый план экономическіе вопросы. Именно только экономическіе вопросы обѣих стран, проблемы их промышленности и торговли должны были бы служить центром тяжести их переговоров. А между тѣм англійское правительство почти главное свое вниманіе обращает не столько на экономику, сколько именно на идеи, и во всѣх своих переговорах неизмѣнным и категорическим условіем начала торговых сношеній оно выставляет отказ большевиков от своих идей. Можно в самом дѣлѣ по-

думать, что английское правительство потому считает это своим непремѣнным условіем, что оно, в случаѣ распространенія большевистских идей, боится внутренняго переворота у себя дома и потерять свои колоніи. Так по крайней мѣрѣ постоянно объясняют это большевики, и о том, что не только Англія, но и другія буржуазныя правительства боятся распространенія большевистских идей, они всегда трубят на столбцах своих газет.

И хотя Ллойд—Джорж не так уже наивен, чтобы не понимать, что пропаганда коммунистических идей это сущность большевизма, и отказаться от их пропаганды значило бы отказаться от самих себя. Пропаганда своих идей для большевиков все равно, что для любого короля интересы его династіи и его трон. И заключить с большевиками торговыя сношенія и требовать от них отказа от пропаганды это все равно. что заключить мир с королем и в то же время требовать от него, чтобы он отказался от своего трона. Далѣе, Ллойд-Джорж также не настолько наивен, чтобы повѣрить большевикам, когда они станут увѣрять его, что ради открытія торговых сношеній с Англіей они будут сидѣть в Кремлѣ тихо и смирно, будут заниматься своим строительством и раз навсегда откажутся от пропаганды своих идей в других государствах. Тѣм не менѣе английское правительство все-таки продолжает настаивать на своем условіи. И всякій раз, когда Ллойд-Джорж в своих рѣчах касается критики большевизма он не упускает случая, чтобы не заявить, что он его „не боится", что большевизм и большевистскія идеи не страшны в хорошо управляемой странѣ и что „идеи большевизма смѣшны и ложны". И если торговыя сношенія между большевиками и Англіей и другими государствами, которыя тоже не могут мириться с большевистскими идеями, все-таки не могут осуществиться, а между тѣм колебанія и борьба все-таки происходят и понынѣ, то не значит ли это, что борьба пока происходит на почвѣ идеи?

Большевики, эти в теоріи вѣрнѣйшіе послѣдователи матеріалистическаго пониманія исторіи и строгіе исполнители исключительно реальной политики в практической жизни, в сущности говоря, борются именно за идею, и притом за идею, в настоящее время и при настоящих условіях неосуществимую, в жизни неприложимую и весьма проблематичную даже в далеком будущем. Въ самом дѣлѣ, чѣм же иным большевики могут оправдывать свой жестокій образ правленія, который в тысячу раз хуже царскаго режима, свой варварскій террор, с лишеніем свободы слова и печати, с переполненіем тюрем, расширеніем сѣти чрезвычаек, почти сплошь состоящих из хулиганов, воров и грабителей, для которых разстрѣлять человѣка все равно, что плюнуть; чѣм же иным, как не своей коммунистической идеей? Вѣдь не ради династических и даже не классовых интересов, а только во имя этой идеи пристав коммунизма, г. Ленин, может со смѣлостью, доходящей до цинизма, открыто заявлять: „да, чрезвычайки, каковы бы онѣ не были, нам неободимы". Это точь в точь, как полицейскій пристав всея Руси, г. Столыпин, в дни Азефщины заявил: „нам шпіоны необходимы, и мы без них обойтись не можем". Вѣдь только во имя своей коммунистической **идеи** большевики рѣшаются вести в теченіе многих лѣт гражданскую войну, разорять не только свою страну, но и чужія, и только на алтарь своей **идеи** они приносят сотни тысяч жизней. Они ведут эту жестокую борьбу не только на внѣшних фронтах, но отличаются не меньшей жестокостью и на внутреннем фронтѣ, безпощадно истребляя не только своих настоящих, но и мнимых врагов, и при том врагов, вовсе не сопротивляющихся с оружіем в руках. И даже в этихъ жестоких методах борьбы на внутреннем фронтѣ пристав коммунистической идеи вмѣстѣ со всѣм Ц. И. К., как двѣ капли воды, похожи на пристава всея Руси, Столыпина, вмѣстѣ с поддержавшей его крайней правой частью Государственной

Думы. Как послѣдній сказал: „сначала успокоеніе, а потом реформы", так коммунисты теперь говорят: „сначала коммунистическая идея и коммунизм, а потом свободы".

Что большевизм зло, и что от этого зла необходимо освободиться как можно скорѣе, об этом, кажется, теперь уж не спорят и самые рабочіе классы. Весь вопрос только в том, как освободиться, и кто именно будет освобождать.

Послѣ того как различныя попытки побѣдить большевиков одними русскими силами под предводительством русских генералов окончились полной неудачей, взоры не только русских патріотов, но и всѣх друзей Россіи, заинтересованных в возстановленіи в Россіи нормальной жизни, естественно обращены на Антанту и ея военныя комбинаціи. Однако, пока не видно, чтобы Антанта сама была склонной взять в свои руки дѣло возстановленія Россіи. Пока Ллойд Джорж, по крайней мѣрѣ до недавняго времени, продолжал упорно настаивать на своем мнѣніи практическаго и разсчетливаго англичанина: возрожденіе Россіи и установленіе в ней порядка есть и должно быть дѣлом самого русскаго народа. Однако, не всегда мнѣніе разсчетливаго человѣка может совпадать с мнѣніем дальновиднаго политика. Такое заявленіе было бы совершенно правильно и вѣрно, если бы Россія, ея настоящее и будущее, была безразличной для государств Западной Европы вообще и Англіи в частности; если бы англійское правительство полагало, что оно имѣет полное право игнорировать Россію и что оно свободно от всяких нравственных обязательств, связанных с общ'-европейской войной, которую, притом, повторяю еще раз, никоим образом нельзя считать оконченной, пока Россія не будет возстановлена. Пока же, англійское правительство тѣм не менѣе продолжает стоять на своей точкѣ зрѣнія и предпочитает ждать, пока сам русскій народ не освободится от им самим созданнаго и только в нем одном возможнаго большевизма.

Америка устами своего вновь избраннаго президента заявляет: хорошо ли, худо ли, что мы ввязались в общеевропейскую войну, но она, Слава Богу, окончена, и мы выпутались из нея без всяких обязательств на будущее. Зачѣм нам вмѣшиваться в міровую борьбу интересов и идей? Вмѣсто того чтобы посылать в Европу людей, аммуницію, одежду и мѣшки с хлѣбом для арміи, мы лучше будем себѣ спокойно ѣздить с мѣшками золота в Монте-Карло и в свое удовольствіе играть в рулетку.

А Франція, а благородный и храбрый французскій народ? Тот самый французскій народ, который вначалѣ войны был предметом наглых и низких насмѣшек со стороны по послѣднему слову науки и техники вооруженных нѣмцев, а в теченіе войны и к концу ея показывал чудеса храбрости и геройства, пока не разбил желѣзную каску зазнавшагося и зарвавшагося тевтонца? Неужели же этот самый геройскій народ, в искренних и горячих симпатіях*) к Россіи котораго мы отнюдь не можем сомнѣваться, не поможет Россіи освободиться от той язвы, которую привил ей наш общій и вѣковой врагъ — нѣмец?

Если Франція побѣдила весь германскій народ, то может ли быть, чтобы она не справилась с Лениным, этой соломинкой, за которую ухватился утопающій нѣмецкій кайзер?

Однако, для окончательной побѣды над совѣтской властью у самого французскаго народа людей не хватит. В лучшем случаѣ это привело бы к частичной оккупаціи

*) Конечно, большевики тут же переведут слово „симпатія“ на язык грубаго нѣмецкаго матеріализма и сухого реализма и скажут: горячія симпатіи — это тѣ милліардные долги царскаго правительства, которые французскіе буржуи и капиталисты надѣются получить от русских рабочих и крестьян. В дѣйствительности, же, истинным источником симпатій к Россіи является страх перед нѣмцами, современными Римлянами, этим міровым разбойником и его помощниками.

небольшой части Россіи. А тѣ политическія комбинаціи, к которым Франція, проникнутая горячими желаніями помочь Россіи, должна прибѣгать, чреваты неисчислимыми политическими послѣдствіями, которых в настящее время даже нельзя предвидѣть.

Таким образом мы, истинные русскіе революціонеры, поставлены перед тѣм фактом, что в дѣлѣ сверженія большевиков и возстановленія революціонной Россіи, русскій народ предоставлен самому себѣ, своим собственным силам.

При этом, мы не должны упускать из виду того, что окончившіяся полной неудачей попытки сверженія большевиков исключительно военной силой имѣли как раз обратный результат — их укрѣпленіе. И поэтому задача возстановленія революціонной Россіи и установленія в ней нормальной жизни и нормальнаго порядка в настоящее время является несравненно болѣе трудной, чѣм это было два года тому назад. Это обстоятельство возлагает на нас тѣм болѣе тяжелую и отвѣтственную обязанность всесторонне, хладнокровно и вполнѣ объективно изучить вопрос: **в чем собственно заключается сила большевиков, тайна их власти над массами?**

Вѣдь раз большевики побѣдили организованную военную силу Колчака, Деникина и Врангеля, которые без всякаго сомнѣнія пользовались поддержкой Франціи и Англіи, значит они сумѣли пріобрѣсть вліяніе на массы, сумѣли сорганизовать и удержать в подчиненіи значительныя военныя силы, с которыми приходится серьезно считаться. А раз так, то было бы слишком поверхностно и ошибочно ограничиваться общими фразами и одними указаніями на тѣ или иные недостатки, на несправедливости и террористическія жестокости большевиков. За такое поверхностное и слишком легкое отношеніе к большевизму уже было слишком дорого заплачено, и потому на будущее время необходимо избѣжать этих ошибок.

Постараемся же нѣсколько глубже и совершенно безпристрастно разсмотрѣть вышепоставленный вопрос и разсмтрѣть: **каковы положительныя и отрицательныя стороны большевизма.**

Из положительных сторон нужно в первую очередь указать на поднятіе общаго благосостоянія крестьян, и то в значительной степени. Прежде всего крестьяне теперь гораздо лучше питаются. На крестьянском столѣ вы нерѣдко найдете не только пирог вмѣсто хлѣба, коровье масло и окорок, но он также не жалѣет себѣ и курицу, не говоря уже о довольно частом употребленіи молока и яиц, в то время как в интеллигентных домах это довольно рѣдкое явленіе. На что уже врачи; врачам вѣдь хорошо, относительно даже очень хорошо живется в Совѣтской Россіи, и то я, пріѣзжая в крестьянскія хаты, нерѣдко завидовал крестьянам или извощикам: их дѣти имѣли вдоволь молока и яиц, в то время какъ я часто нуждался в этих питательных средствах. Это бывало осенью и зимой.

Одѣваются крестьяне тоже несравненно лучше. Когда народ по воскресеньям и праздникам выходит из церкви, перед вашими глазами открывается картина, на которую просто любо смотрѣть. Крестьянки в чистых и большей частью новыхъ платьях и кофточках, на головах также новые, нерѣдко шелковые платки. Почти у всѣх имѣются цѣлые новые ботинки, а у мужчин чистые, новые сапоги; галош имѣется почти у каждаго по нѣскольку пар. Лапти в послѣднее время довольно уже рѣдкое явленіе. Многіе мужчины, особенно из молодых, как будто стѣсняются своей крестьянской одежды и стараются замѣнять ее городской; разумѣется, поскольку у них имѣются соотвѣтственныя матеріи. Зимнюю одежду, шубы и полушубки они имѣют прямо таки в изобиліи, и тоже часто все новую. Кромѣ того, почти у каждой крестьянекой семьи имѣются полные сундуки со всякими красными и шелковыми товарами, которые она получила

от мѣшечников в обмѣн на хлѣб. А нѣкоторыя крестьянки, конечно, только жены комиссаров, позволяют себѣ даже выходить доить корову в шелковом платьѣ или каракулевом пальто.

Что касается жилищ, то нужно сказать, что в деревнях за послѣднее время возникает довольно много новых построек, в полной противоположности к городам, гдѣ не только новых нѣт, но и старые рушатся, а старые деревянные дома просто сносятся на топку. Правда, строятся главным образом коммунисты или бѣдняки, которым нечего бояться прослыть в деревнѣ за богача или кулака. Болѣе зажиточные, боясь высоких временных налогов и значительных контрибуций, воздерживаются пока от постройки новых домов. Но в общем без всякаго преувеличенія можно сказать, что в настоящее время деревня строится гораздо больше, чѣм до революціи.

Далѣе, у каждаго, почти без исключенія, крестьянина имѣется запас товаров и довольно значительный капитал. Денежные знаки имѣются у них в таком изобиліи (царскіе, думскіе и керенки они так же прячут, как крупные капиталисты), что они не знают, куда их дѣвать. „Развѣ сундуки оклеивать или печку ими топить", говорят крестьяне. И это несмотря на то, что сейчас пьют водку, или, как говорят, „самогонку" не меньше, чѣм во время царской монополькі.

Не обращая вниманія ни на какіе декреты и запреты, крестьяне почти в каждой деревнѣ гонят самогонку. Во первых это очень выгодно: из пуда ржаной муки нѣкоторые крестьяне ухитрялись получать по 2—3 ведра самогонки, за что выручали от 4 до 6 тысяч рублей, а пуд муки тогда стоил всего только 2 тысячи. Во вторых, наказанія им вовсе бояться нечего: кто будет привлекать их к отвѣтственности? Вѣдь сельскія власти, призванныя слѣдить за исполненіем декретов—тѣ же крестьяне, большей частью родственники или близкіе знакомые „самогонщиков". И как же комиссар-крестьянин, который по

каждому маловажному случаю очень рад выпивать со своим кумом бутылочку до дна, будет предавать своего же кума революціонному трибуналу? Это было бы против совѣсти русскаго крестьянина. На такое предательство даже сам предсѣдатель волостного исполкома или сельскаго совѣта рѣшится развѣ только из мести к своему сосѣду или куму.

Конечно, въ деревнѣ имѣется также и бѣднота, которая почему либо не может примазаться к коммунистам и потому она очень не довольна „новым правом", „новой властью", считая эту новую власть единственной виновницей своей бѣдности. По причинѣ общаго недовольства отсутствіем предметов первой необходимости, как напр. соли, стекла, желѣза, гвоздей, мыла и др., бѣднота сложила свои поговорки: „был Николаша, была мука и каша, нѣт Николаши, нѣт ни муки, ни каши". „При царѣ мы ѣли свинину, а при Ленинѣ конину".

Тѣм не менѣе общее увеличеніе благосостоянія крестьян — факт неоспоримый, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Разумѣется само собою, очень трудно сказать, поскольку это повышенное благосостояніе составляет результат общей дороговизны, в частности неимовѣрнаго роста цѣн на сельскіе продукты. Вѣдь в настоящее время крестьянин является единственным купцом, даже монополистом, так как сельскіе продукты это почти единственный товар, который и можно встрѣтить на рынкѣ. И поскольку это благосостояніе есть результат революціи, благодаря которой у каждаго крестьянина имѣется теперь большій или меньшій участок земли. Одно только можно с увѣренностью сказать, что это едва ли исключительная заслуга большевиков, так как крестьяне стали богатѣть еще до октябрьскаго переворота.

Как на вторую положительную черту, нужно указать на привлеченіе наиболѣе демократических элементов к управленію страной. Рѣшительно и рѣзко порвав не

только с бюрократіей и буржуазіей, но и с интеллигенціей, которая также сдѣлалась предметом нападок и преслѣдованій, большевики старались наладить государственный аппарат при помощи одних наиболѣе демократических слоев населенія. Наиболѣе энергичные и озлобленные против стараго режима крестьяне побросали свое хозяйство, а рабочіе свои станки и мастерскія и пошли в государственныя учрежденія. Не вездѣ оставался прежній состав служащих; из канцелярій и учрежденій удалены были главным образом люди, занимавшіе высшіе и отвѣтственные посты, и замѣнены были новыми, пришлыми, очень часто вовсе не соотвѣтствовавшими своему назначенію и очень мало знакомыми с дѣлом. Однако, эти полуграмотные крестьяне и рабочіе, а еще чаще их сыновья, только что вернувшіеся с театра войны, поработав в различных канцеляріях и напрактиковавшись, мало по малу стали настоящими чиновниками, большими или меньшими винтиками в общем механизмѣ „рабоче-крестьянской республики".

Весьма важную роль в дѣлѣ налаживанія своеобразнаго аппарата коммунистическаго государства сыграл так называемый интеллигентный пролетаріат. Это молодые люди, большей частью сыновья мелких ремесленников и купцов, а также средних крестьян; вслѣдствіе отсутствія протекціи и „связей" они не могли подняться на высшую ступень общественной лѣстницы, не могли пристроиться на каком-нибудь тепленьком мѣстечкѣ, и принуждены были всегда удовлетворяться службой нисшаго ранга. Эти люди, не находившіе приложенія своих способностей на поприщѣ высшей государственной или общественной службы и не удовлетворявшіеся нисшими мѣстами, составляли обширный контингент наиболѣе озлобленных и наиболѣе революціонно настроенных элементов. И нѣт ничего удивительнаго в том, что, когда прежняя бюрократія была устранена, этот интеллигентный пролетаріат сразу нашел свое мѣсто

и стал усердно работать в новом дѣлѣ устроенія государства на новых началах, хозяином котораго он себя почувствовал. Разумѣется само собой, интеллигентный пролетарій тогда еще не был „коммунистом“, и даже не „сочувствующим коммунизму“, он не был в состояніи сразу отдать себѣ отчета в том, что такое представляет собою то новое дѣло, которому он отдает свою энергію и свои силы, во что выльется и какія формы примет революція по рецепту большевиков. Для него достаточно было уж одного того факта, что прежняя, столь ненавистная им бюрократія разбита и уничтожена, что ея нѣт, и его завѣтная мечта — самому стать у государственнаго руля, дѣйствительно осуществилась. Вчерашній подданный Его Величества и преслѣдуемый Его полиціей и жандармеріей стал не только свободным гражданином, но самим хозяином общественнаго и государственнаго корабля. Но этого еще мало. Кромѣ всей прелести этой свободы, когда он сразу почувствовал себя свободным гражданином в своем отечествѣ, ему обѣщают еще осуществленіе соціализма, и то не только в одной Россіи, но соціализма в міровом масштабѣ. Помилуйте, он стоит у самаго входа в вѣчный рай, перед самым осуществленіем и воплощеніем в жизнь самаго высшаго и вѣчнаго идеала всего человѣчества. Как же можно не работать, не покладая рук, без критики и оглядки?

Если перефразировать слова Мак-Леннана: „собственность и должность породили аристократію“, то приходится сказать: рост матеріальнаго благосостоянія и участіе в управленіи страною, или достаток и должность имѣли слѣдствіем сильное поднятіе чувства собственнаго достоинства в массах и, пожалуй, положили начало новой аристократіи. Теперь крестьянин уж болѣе не „мужик“, котораго любой член объединеннаго дворянства может выпороть по своему желанію; крестьяне болѣе не простыя шапки, которыми Марковы и Пуришкевичи думали закидывать любую западно-европейскую армію. Чувство

глубокой ненависти к прежней бюрократіи и земельной буржуазіи, так же, как и сильное желаніе мести за много-вѣковое порабощеніе их теперь нѣсколько удовлетворилось и начинает смѣняться сознаніем своего равенства со всѣми остальными гражданами, без различія класса и сословія.

На это обстоятельство должны обратить самое серьезное вниманіе тѣ остатки прежней бюрократіи и так называемых высших правящих сфер, которыя в настоящее время проживают заграницей и надѣются при помощи иностранных государств возстановить свое прежнее вліяніе и свою власть. Напрасная мечта. Если оии подлинные друзья народа, если они дѣйствительно проникнуты не своими узкими династическими и классовыми интересами, а честным и искренним желаніем блага Россіи и русскому народу, то они должны рѣшительно отказаться от своих „несбыточных мечтаній" и раз навсегда оставить всякія попытки вернуть себѣ прежнее вліяніе и прежнее величіе.

Сами большевики несомнѣнно готовы указать, как на дальнѣйшія положительныя черты своей революціонной дѣятельности, на борьбу с безграмотностью, на заботу о здравоохраненіи и на соціальное обезпеченіе.

Однако, при безпристрастной оцѣнкѣ этой дѣятельности по их результатам, а вѣдь только по его плодам познается дерево, эти стороны слѣдует скорѣе причислить к отрицательным. Правда, Совѣтское правительство щедрою рукой ассигнует на дѣло народнаго образованія, оно не жалѣет милліардов. Но всѣ огромныя суммы, расходуемыя народным комиссаріатом просвѣщенія, тратятся главным образом на содержаніе многочисленнаго штаба чинов управленія и канцелярій, огромнаго учительскаго персонала и в незначительной только мѣрѣ на содержаніе уцѣлѣвших старых школ, поскольку онѣ не заняты под госпитали для красной арміи, и наконец на открытіе новых, почти исключительно

первоначальных школ. При этом надо замѣтить, что учительскій персонал количественно сильно вырос, а качественно значительно упал, так как он набирается с бору и с сосенки, и в его средѣ имѣется очень много несоотвѣтствующаго своему назначенію, даже совершенно негоднаго элемента.

Недовольство среди учителей, непосредственно занятых в школах, огромное. Жалованіе, хотя и выраженное в солидных цифрах, не хватает однако на жизнь, даже и в тѣх случаях, когда оба члена семьи, муж и жена, работают в школѣ. Чтобы не жить впроголодь, они принуждены под тѣм или иным предлогом требовать у учащихся у кого хлѣба, у кого мяса, у кого молока и т. п. продуктов. Вслѣдствіе крайне тяжелаго положенія учителя, за исключеніем тѣх, кто имѣет побочные доходы (должность, земля, спекуляція), бѣгут, а правительство не имѣет в своих руках других средств воздѣйствія, чтобы удерживать их на мѣстах, как насильственное прикрѣпленіе к данной школѣ. В Кохановской волости Оршанскаго уѣз. этим лѣтом было два случая самоотравленія школьных работниц, из которых один окончился смертью. И, как мнѣ говорили, самоотравленіе произошло на почвѣ безвыходнаго матеріальнаго положенія.

Кромѣ того занятій очень часто в школах не бывает. Зимою вслѣдствіе недостатка топлива и отсутствія стекол, (а замѣнять разбитыя нечѣм) в школѣ стоит невыносимый холод. (В аудиторіях московскаго университета замерзают растворы и реактивы). Лѣтом же дѣти сами не приходят, так как по причинѣ высоких цѣн на рабочія руки родители предпочитают посылать дѣтей на заработки. Отношеніе между учащими и учащимися с одной стороны, и между учащими и начальством с другой — самое отвратительное, прямо убійственное. Учащіе, в особенности старые, никак не могут приспособиться к требованіям многочисленных начальников, из которых каждый воображает себя высшим, главным

начальником, особенно, когда он хочет показать свое партійное усердіе. И как тут приспособляться. Учителя, не одѣвающіеся в коммунистическую тогу, тоже вѣдь интеллигенція и, как таковая, преслѣдуется наравнѣ с буржуазіей. Мало того что учащих причисляют ко второй категоріи граждан, но их заставляют исполнять всѣ грязныя работы, которыя прежде лежали на обязанностях прислуги. Так, учителей и учительниц в Ряжскѣ, как и буржуев купцов, заставляли мыть полы и чистить клозеты; самых богатых и почетных купцов принуждали еще чистить улицы. Ученики старших классов, особенно дѣти коммунистов, не только указывают, но прямо таки приказывают учащим, как они должны заниматься, что в данное время проходить и т. д. Можно себѣ представить, как чувствуют себя учителя и учительницы. Нравственная атмосфера в школѣ, невыносимая, а настроеніе учащих самое подавленное.

Как и можно было ожидать, в результатѣ получается не только страшное пониженіе общаго уровня знаній, но и полное одичаніе дѣтей и учащейся молодежи, во всѣх отношеніях и смыслах.

А дѣло охраненія народнаго здравія обстоит отнюдь не лучше. О положеніи медицины в Совѣтской Россіи можно было бы написать цѣлую объемистую книгу, но мнѣ некогда останавливаться на подробностях, и потому, как врач, работавшій в Россіи и до революціи и при совѣтском правительствѣ от самаго начала его существованія, я считаю себя вправѣ ограничиться указаніем на нѣсколько выдающихся фактов и нѣсколькими словами, обращенными к комиссару народнаго здравоохраненія, Н. А. Семашко.

В Ряжскѣ зимою 1919-20 года ни в уѣздной земской больницѣ, ни в бараках для заразных больных, преимущественно для сыпнотифозных, ни даже в военном лазаретѣ не было ни одного термометра. Что в аптеках нѣт даже самых необходимых лекарств, как напр. касторки

и хинина, это общеизвѣстно. Ночью палаты не освѣщаются, вслѣдствіе отсутствія керосина. Больной впотьмах еле добирается до клозета, падает в корридорѣ, стонет и зовет на помощь, но с трудом находят его. В полночь привозят в больницу родильницу, и чтобы оказать ей помощь нужно бѣжать в частный дом за лампой. Возвращаясь от больного из деревни в 7—8 час. веч., я вмѣстѣ с рецептом должен дать привезшему меня мужику свѣчу или лампу, без которой ему в аптекѣ не могут приготовить лекарства. В то же время у гг. комиссаров лампы горят до поздней ночи и даже без особенной надобности.

Если бы больным не приносили пищу из дому, то они голодали бы самым форменным образом, даже больше, чѣм арестанты в тюрьмах. Часто больные, особенно городскіе, по нѣскольку дней остаются без капли молока. В то же время все молоко из единственной совѣтской фермы, устроенной в имѣніи бывшаго министра земледѣлія Ермолова, в которой насчитывается около 2-х десятков коров, отпускается почти исключительно служащим в Отдѣлѣ земледѣлія и комиссарам по 24 руб. за четверть, а на базарѣ тогда цѣна стояла 350-400 руб. Поэтому нѣт ничего удивительнаго в том, что в то время как больные нуждаются в молокѣ, и даже эпидемическому персоналу не отпускается ни капли, жены комиссаров могут кормить молоком своих свиней.

Повѣрьте мнѣ, г-н Семашко, это не анекдот, не злая выдумка, а самый подлинный факт. Я имѣл несчастіе или счастіе, жить в одном домѣ с комиссарами цѣлых полтора года.

При таких условіях ничего нѣт удивительнаго в том, что у врачей руки опускаются, и врачи, завѣдующіе больницами и бараками, с радостью отправляются на нѣсколько дней в лѣс, чтобы согласно декрету собственными руками заготовить себѣ дрова на зиму.

Может быть я ошибаюсь, но я полагаю, что вы, Николай Александрович, принадлежите к той группѣ дѣ-

1083305
Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

лей, которых я отношу к классу интеллигентных пролетаріев. Вы находитесь в періодѣ увлеченія и страшной идеализаціи своей революціонной дѣятельности. Но я, как объективный наблюдатель, должен Вам сказать слѣдующее. Одними благими желаніями ад вымощен. Всѣ Ваши пожеланія и начинанія на пользу народнаго здравія (а в полной искренности их я отнюдь не сомнѣваюсь), разбиваются о каменную скалу общей экономической, политической и культурной разрухи, какая в данное время господствует в странѣ. Дѣло народной медицины и народнаго здравія стоит не только не выше, но даже гораздо ниже, чѣм до революціи. Естественный отбор работает в настоящее время с ужасающей силой. Это факт, не подлежащій сомнѣнію. Найти правильное объясненіе этому, я предоставляю Вам лично, для меня же важно констатированіе самаго факта. Как при царском режимѣ на каждом Пироговском съѣздѣ врачи неизмѣнно говорили: чтобы поднять народную медицину на должную высоту, необходимо поднять культурный уровень населенія, так в настоящее время надо это же повторять в сто раз чаще и громче.

Я надѣюсь, когда Вы перестанете смотрѣть на революціонную дѣятельность всего совѣтскаго правительства и на свою в частности сквозь коммунистическіе или даже просто сквозь идеализирующіе очки и начнете смотрѣть на дѣйствительность безпристрастно, хладнокровно и трезво, то я полагаю, едва ли Вы останетесь в средѣ народных комиссаров. А вѣдь уж пора отрезвиться от революціоннаго угара, пора оглянуться на окружающую жизнь и подвергнуть ее, как и плоды своих трудов холодной, безпристрастной и объективной критикѣ.

Эти же слова я бы сказал и А. В. Луначарскому.

Всѣ внушительныя, даже огромныя цифры, по которым можно будто бы судить о плодотворной дѣятельности совѣтскаго правительства, всѣ потоки громких слов и высокопарных фраз, на которые большевики

отличные мастера, в дѣйствительности ни больше ни меньше как пыль в глаза незнакомым с дѣйствительной жизнью в Россіи.

Самой важной из отрицательных сторон хозяйничанія большевиков, это раззореніе страны, обѣдненіе населенія и общее уменьшеніе суммы народных богатств. На первый взгляд может казаться, что уменьшеніе общей суммы народных богатств противорѣчит утвержденію о повышеніи благосостоянія крестьян. Однако, на самом дѣлѣ тут никакого противорѣчія нѣт, и относительное, конечно, благосостояніе крестьян может итти рядом с общим обѣдненіем населенія. В самом дѣлѣ, теперь, правда, категоріи безземельных нѣт; волость предоставляет каждой крестьянской семьѣ участок земли по количеству душ. Крестьянин не принужден отчуждать добываемые продукты на уплату налогов или даже недоимок, за послѣднія у него не отбирают послѣднюю корову или единственный самовар. И потому крестьянин имѣет возможность лучше питаться и одѣваться, и ему удается даже приберечь нѣкоторый излишек, небольшой запасец. Но этот излишек - остаток, который остается у крестьянина послѣ реквизицій и контрибуцій или вѣрнѣе, который ему удается спрятать от властей, вообще невелик и не может быть значительным. Вслѣдствіе того, что при появленіи реквизиціонных отрядов или при раскладкѣ контрибуціи на всю деревню каждый старается утаить свой остаток и от властей и от глаз добраго сосѣда, он часто подвергается порчѣ или гніенію. Но, допустим, что ему удается сохранить свой излишек неиспорченным и он может продать его, или вѣрнѣе обмѣнить на что-нибудь другое; и в этом счастливом случаѣ крестьянин получает за свой товар пропорціонально не больше, чѣм он получал за него до войны, так как цѣны на сельскіе продукты поднимаются приблизительно в одинаковой пропорціи. Так напримѣр, лошадь теперь стоит 400.000—500.000 руб., а пуд хлѣба 10.000 р.

стало быть за лошадь приходится отдавать 40-50 пуд. муки.

Но при господствѣ большевисткаго „права“, как выражается крестьянин, он не может увеличивать количества производимых им продуктов, не может увеличивать своих доходов по желанію, по своей личной иниціативѣ. Какими бы физическими силами и умственными способностями он ни обладал, крестьянин не может увеличить своей посѣвной площади, не может имѣть больше одной лошади, одной коровы, одной телѣги, одной свиньи и т. д. В противном случаѣ он прослывает за кулака и у него отымут. Стало быть, производство сельскаго хозяина сильно ограничено, поставлено в очень узкія рамки, из предѣлов которых оно не может выйти, несмотря на способности и личную иниціативу хозяина. И вот это-то стѣсненіе и ограниченіе производства, обусловливаемое распоряженіем соціалистическаго правительства, его „правом“ или декретом, имѣет весьма печальныя, пагубныя послѣдствія как для отдѣльнаго сельскаго хозяина лично, так и для всего населенія. Разъ сельскій хозяин не может пользоваться плодами своих трудов для личной выгоды, для роста своего собственнаго богатства, он лишается самаго главнаго стимула к дальнѣйшему производству, по мѣрѣ своих сил и умѣнія, и он старается производить лишь столько, сколько необходимо ему самому, исключительно для удовлетворенія своих собственных нужд. При этом он, сельскій хозяин, при господствѣ коммунистической власти, разных коммунистических комитетов и комиссаров, по весьма понятным причинам, старается сократить свои потребности. С другой стороны его нужды становятся по необходимости тѣм меньше, чѣм меньше он может получать за свои продукты, чѣм меньше цѣнностей для обмѣна он встрѣчает на рынкѣ, как напр. мебели, желѣзных и металическихъ издѣлій, тканей, мыла, сахару, красок, лекарств и т. п.

Мнѣ часто приходилось ѣздить к больным в деревни, расположенныя в 5, 10 и 15 верстах от города. По

дорогѣ послѣ разспросов о больном обыкновенно начинался разговор на темы дня, конечно на политическія темы. И вот везшій меня мужик, постепенно ободряясь, начинает свою рѣчь с какой-то особенной, мнѣ пріятной смѣлостью и развязностью, вѣроятно от сознанія, что *теперь* и *он* человѣк, и *он* может смѣло разговаривать с доктором о политикѣ.

Эх, барин... Нѣт, нынче так не говорят; а как сказать: „товарищ" доктор? а может вы обидитесь, спрашивает он, вопросительно и пытливо глядя на меня. Ну, да ладно. Эх, плохое нынче время. Ничего на базарѣ достать нельзя, ни соли, ни керосину, ни мыла, ни чугуна, ну, рѣшительно ничего. Не то было прежде. Вывезешь бывало на базар куль муки и на 5-ти рублевку всего купишь, на всѣ праздники: пуд соли стоил 40 коп., свинина, самая лучшая, 20 коп., керосин 5 коп. фунт и т. д. Всего было вдоволь, чего душа желает. А нынче...

— А кто в этом виноват, спрашиваю я. Вѣдь ваша власть, рабоче-крестьянская.

Мой Иван Михайлович почувствовал себя задѣтым этим вопросом, и он видимо рѣшил, что он обязан отвѣтить на него, по всему своему разумѣнію и высказать все, самое важное, что у него накопилось на душѣ. Взяв кнут и возжи в лѣвую руку, он правой рукой приподнял шапку выше на лоб и, устремив свои заблестѣвшіе глаза прямо на меня, нѣсколько повышенным тоном сказал:

— Нѣт, мы до власти еще не доросли. Развѣ мы образованные, ученые, что-ли? Вѣдь мы темный народ. Ну, возьмите хотя бы Ивана Федотыча, вѣдь он мужик, как говорится, прямо от сохи, он никакой грамотѣ не знает. Недавно еле научился свою фамилію подписать. А Никита Пахомыч, тот нѣсколько раз за воровство судился. А теперь они чиновники, важные шишки, комиссары. Наложат на тебя контрибуцію, сколько вздумается, а ты плати. Придут к тебѣ в хату с вооруженными

красноармейцами из чрезвычайки, обыщут, обшарят всѣ углы, и давай им всего, и хлѣба, и овса, и сѣна, и картошки, и овечек, и поросят, всего, всего. По нѣскольку раз приходят, все им давай, и все мало. И куда все это дѣвается, одному только Господу Богу вѣдомо.

И тут он повторил тот же анекдот, который я уже слышал во многих деревнях. Говорят, нынче в деревнѣ, покойно стало, можно всю ночь оставлять на улицѣ что угодно, хотя бы нѣсколько мѣшков соли, и никто не тронет, все цѣло будет. Воров не стало. А куда же воры дѣлись? Всѣ, видите ли, до единаго во власть ушли. Всѣ комиссарами стали.

— А много-ли в этом году собрали хлѣба? спрашиваю я дальше. Немного, пудов около 70. Засѣял я правда 4 десятины, да около Николы (9 мая) появился червь и половину поѣл. Надо бы опять вспахать да посѣять, но лишнаго зерна для посѣва не было, да и работать не хотѣлось. Зачѣм? для кого? Нас всего шесть душ. Бог даст, на нашу семью хватит.

Да, вот как теперь живут и принуждены жить люди, подумал я. Лишь бы хватило на жизнь, большаго не хотят и о лишнем не заботятся.

„На нашу семью хватит“.

В этой одной фразѣ заключается memento mori и для большевистскаго соціализма, и для коммунистической партіи, и для совѣтской власти.

Как в деревнях, так и в городах люди живут, как говорят, день прошел и слава Богу. *Никто не хочет имѣть запаса, никто не желает создавать его.* Если не для себя, для своей личной выгоды и частной собственности, то для кого же работать? для чрезвычайки? для комиссаров? для разнаго рода спекулянтов, прикрывающихся мантіей соціализма или коммунизма?

Таким образом, ясно само собой, что благосостояніе крестьян, на которое было указано выше и которое было поставлено в плюс большевикам, на самом дѣлѣ только

относительное, условное, и даже проблематичное. Ибо рост крестьянскаго благосостоянія находит свое ограниченіе и препятствіе в коммунистическом строѣ. Все благосостояніе крестьянииа выражается только в том, что он имѣет возможность лучше питаться и одѣваться, но он почти никаких новых цѣнностей не пріобрѣтает, или очень и очень мало. Он питается только тѣм, что он сам производит, но у него нѣт никаких привозных или покупных продуктов питанія, у него нѣт рису, шеколаду, сардинок, фруктов и т. п. Правда, прежнее купечество и люди интеллигентных профессій принуждены отдавать крестьянам за продукты питанія и первой необходимости не только предметы роскоши, но даже и одежду и лишнюю постель. Тѣм не менѣе он носит одежду главным образом из своих же издѣлій, шубу из своих же овчин, штаны и рубаху из своей же холстины и т. д У крестьянина также нѣт новых, вновь созданных в мастерских или на фабриках цѣнностей: у него нѣт кроватей, шкафов, стульев, буфетов, зеркал, металлической кухонной посуды, земледѣльческих орудій, даже носильнаго и постельнаго бѣлья и т. п. Вслѣдствіе отсутствія этих продуктов обрабатывающей промышленности, которые считаются необходимыми для минимума потребностей культурнаго рабочаго, крестьянин продолжает жить при прежних некультурных и антигигіенических условіях, по прежнему в грязи и в невѣжествѣ.

В чем же заключается причина отсутствія новых цѣнностей и обѣдненія населенія?

Как на единственную причину обѣдненія населенія и господствующей разрухи вожди большевиков, а за ними всѣ правительственные чиновники-оффиціальные, большей частью безмозглые и безграмотные коммунисты, постоянно указывают на войну с Германіей и на гражданскую войну. Спору нѣт, война с Германіей истощила громадные запасы хлѣба и сельских продуктов, главным образом скота, разстроила и без того слабо развитую про-

мышленность, которая не выдержала чрезвычайных требованій, связанных с войной, и не могла приспособиться к ним. Затѣм, в теченіе сентября и октября 1917 года почти по всей странѣ бушевала стихійная волна разрушеній и поджогов самых благоустроенных и цвѣтущих имѣній, вслѣдствіе чего сельское хозяйство сильно пострадало. В концѣ октября пришло большевистское „право", которое и узаконило грабеж и разрушеніе. Под прикрытіем правительственной власти волна разрушеній и уничтоженій продолжалась с удвоенной силой и не знала границ. Однако, замѣтим тут же, стихійная разрушительная волна под вліяніем правительства и с его разрѣшенія не кончилась и сейчас, она продолжается вплоть до наших дней с неослабѣвающей силой.

Но если это так, если во всем виновата война, то позволительно спросить: почему же не было такой разрухи ни послѣ Крымской войны, 1855-6 года, ни послѣ Турецкой войны 1877 г.? Почему мы и сейчас не наблюдаем ни такой разрухи, ни такого обѣдненія населенія ни в одной из стран, участвовавших в этой міровой войнѣ, ни во Франціи, ни в Англіи, и даже не в Германіи. А вѣдь и эти страны, в особенности Германія, окруженная „цѣлым міром" врагов до крайности, до послѣдней возможности напрягала всѣ свои силы, и матеріальныя и духовныя, во всяком случаѣ не в меньшей степени, чѣм Россія. И наконец, г. г. коммунисты, и это самое важное, почему же уничтоженіе и разрушеніе народных богатств продолжается еще и теперь.?

Нѣт, не в войнѣ, и даже не в гражданской войнѣ слѣдует искать причину такой продолжительной общей разрухи и раззоренія страны, а единственно и исключительно *в разрушеніи старых основ общественной и государственной жизни, в невозможности создать нормальный общественный порядок и ввести жизнь в нормальное русло на провозглашаемых новых началах.*

Если бы не насильственное разрушеніе основных устоев

соціальной жизни, если бы на истощенной странѣ не поставлен был опыт соціалистическаго устройства государства, то истощенные запасы давно были бы возстановлены, военные расходы, как в Германіи, постепенно покрывались бы, а долги погашались. Если бы гражданская война была исключительно классовой и была бы так же продолжительной, но без крушенія основ соціальной жизни, то все-таки можно с полною увѣренностью сказать, что она не имѣла бы столь пагубных послѣдствій для обще-народнаго хозяйства и не так раззорила бы страну. Даже одно только стихійное движеніе крестьян, их разрушеніе и уничтоженіе помѣщичьих и дворянских имѣній, одно только крушеніе военно-полицейскаго и феодальнаго строя, *но без соціалистических опытов*, не вызвало бы ни такого глубокаго потрясенія всего государственнаго организма Россіи, ни такого всесторонняго разложенія всѣх сторон общественной жизни, ни такого потрясающаго разстройства всѣх отраслей хозяйства и промышленности.

Не может быть сомнѣнія в том, что *одна только политическая революція*, один только переход от абсолютизма и феодализма к демократической, пусть буржуазно-демократической республикѣ, *но без соціалистическаго опыта*, навѣрное совершился бы гораздо безболѣзненнѣе, не повлек бы за собою столько жертв и такого разрушенія народнаго хозяйства.

Стоит хоть немного вдуматься в окружающую жизнь, чтобы легко и на каждом шагу убѣдиться в справедливости вышесказаннаго

В самом дѣлѣ, только той страшной путаницей в понятіях о собственности, какую внесли в жизнь послѣдователи Бакунинской формулы; „дух разрушающій есть дух созидающій“, и можно объяснить то явленіе, с каким легким сердцем русскій человѣк уничтожает теперь чужую собственность, не только частную, но и общественную. Точно люди вмѣстѣ с понятіем о собственности

потеряли также и понятіе о цѣнностях, и ничто им не жалко.

Когда вы ходите по улицам провинціальнаго мѣстечка или уѣзднаго города, вам часто попадаются удручающія картины разрушенія. Изгороди и заборы возлѣ домов и садов частью или вовсе отсутствуют: их большей частью растаскивают на топку, а сады предоставляются попеченію не интеллигентной публики, как это дѣлается в культурных странах, но попеченію скота и др. животных, совсѣм нерѣдко также и двуногих.

То тут, то там вы видите постройки без крыши и без стѣн, дома без окон и дверей. Как будто они подверглись опустошенію полчищ непріятельских войск. Все это большей частью пришедшіе в ветхость пустыя мастерскія, магазины, амбары или дома помѣщиков, которые немилосердно разбираются жителями своих и сосѣдних деревень, и каждый, как муравей, тащит к себѣ домой, что ему нужно, кто двери, кто окно, кто кирпич, кто доски и т. д. Но московскія столичныя власти, тѣ, как настоящіе и серьезные коммунисты, не любят удовлетворяться мелочами. В концѣ февраля нынѣшняго 1920 года я собственными глазами видѣл, как в разных частях Москвы сносились одно- и двуэтажные деревянные совершенно новые дома. Злые языки говорили, что Московскій Исполнительный Комитет постановил в теченіе зимы сносить и предать ауто-да-фе, ни больше ни меньше как 40.000 деревянных домов.

Как Московскій Исполнительный Комитет в Москвѣ, так и сельскія власти хозяйничают в провинціи, совершенно по тѣм же „коммунистическим" принципам. Не считаясь с потребностями будущих поколѣній, уѣздныя власти отдают населенію на сруб цѣлые дубовые лѣса, которые прямо хищнически уничтожаются. И крестьяне сами говорят, населеніе на многія поколѣнія останется совершенно без строительнаго лѣса. Так же хищнически, безсмысленно и безпощадно уничтожаются сады.

Однажды, в маѣ мѣсяцѣ, на деревьях только что

появились завязи плодов, я видѣл, как мальчик-подросток ломает фруктовое дерево в больничном саду. На мое замѣчаніе, зачѣм он ломает цѣлое дерево, вѣдь лѣтом фруктов совсѣм не будет, я получаю дерзкій и грубый отвѣт: „это не твое, это народное".

В этом одном словѣ *„народное"*, заключается вся коммунистическая прогамма, согласно которой он так же волен по своему усмотрѣнію обращаться с народным достояніем, как и я, как и всякій другой гражданин.

В сознаніи своего безсилія я подумал: если вожди „коммунистов" и III интернаціонала могут безпощадно истреблять живыя силы интеллигенціи, то почему же этот хулиганскій мальчик не может уничтожать хоть и плодоносныя, но безжизненныя деревья. Кто может ему запретить или помѣшать?

И удивительно-ли, что очень часто приходится слышать, как сельскіе хозяева, видя кругом безсмысленное и безотвѣтственное разрушеніе и уничтоженіе, с глубокой болью в сердцѣ говорят: да, все уничтожается, *нѣт хозяина, нѣт порядка, нѣт „права"*.

По той же психологіи, что все „народное", рабочіе на вполнѣ законном основаніи тащут из фабрик части машин, вслѣдствіе чего машины портятся, фабрики стоят а сырье портится и истребляется.

Но общая разруха, общее стихійное или даже сознательное разрушеніе и уничтоженіе само по себѣ было бы не страшно, ибо, если бы был „хозяин", и „порядок" то все разрушенное могло бы быть в сравнительно короткое время возстановлено, все уничтоженное возсоздано. Но в том-то, и бѣда, несчастіе русскаго народа, что вмѣсто того чтобы выбрать и поставить себѣ настоящаго хозяина, он позволил кучкѣ идеологов-фанатиков насильственным, чисто драконовским образом производить над своим тѣлом опыты, о которых заранѣе можно было сказать что они обречены на неудачу. И именно эти опыты, хотя бы они и были произведены во имя высших идеалов

человѣчества, во имя соціализма или даже коммунизма, являются *единственной причиной*, почему дух разрушающій все еще продолжает дѣйствовать, и почему разрушенное не может быть возстановлено, а уничтоженное возсоздано. Только *уничтоженіе частной собственности, убійство частной иниціативы*, только соціализм или „совѣтскій коммунизм" который кучка честолюбивых фанатиков вздумала при помощи невѣжества и темноты многомилліонной массы, тиранически, но безнадежно привить русскому народу, представляет единственное препятствіе к возстановленію в Россіи нормальной жизни и нормальнаго порядка. И не подлежит никакому сомнѣнію, что до тѣх пор пока „совѣтская власть" не откажется от своих соціалистических опытов, от своих несбыточных мечтаній осуществить соціализм или даже коммунизм в Россіи, волна разрушеній и уничтоженій не прекратится, и обѣдненіе народных масс будет итти вперед с все возрастающей прогрессіей.

Я вполнѣ сознаю, что набросанная на предыдущих страницах картина положенія страны и настроенія народных масс слишком неполная. Однако, я полагаю, что приведенные факты вполнѣ достаточны для того, чтобы, обобщая их, можно было сдѣлать практическіе выводы, опредѣляющіе линію поведенія как тѣх государств, которые желают возстановленія Россіи, так и той части интеллигенціи и истинных революціонеров, которые борются с большевиками во имя блага Россіи.

Обобщая всѣ политическія и экономическія перемѣны, происшедшія в Россіи послѣ февральской революціи, и всю революціонную дѣятельность большевиков, нетрудно замѣтить, что в революціи, как ее поставили большевики, заключается два элемента: *политическій и соціалистическій*, из которых послѣдній для большевиков важнѣе, и который они выдвинули на первый план своей революціонной дѣятельности.

Какими убѣжденнѣйшими соціалистами, какими го-

рячими поклонниками соціализма мы бы ни были в теоріи, но, как практическіе дѣятели, мы, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, должны вычеркнуть из своей программы соціалистическій элемент, как в настоящее время не осуществимый, не проводимый в жизни. Если это не осуществимо, как то показали и показывают событія, в государствах Западной Европы, то это тѣм болѣе немыслимо в Россіи, гдѣ населеніе преимущественно крестьянское (а крестьянин по своей природѣ собственник) и стоит на очень низкой ступени образованія и культурнаго развитія, и гдѣ к тому же промышленность и техника очень слабо развита.

За то политическій элемент революціи, который совершенно согласно с опредѣленіем понятія о Революціи, данным Каутским, заключается в переходѣ власти от военной бюрократіи и феодальной буржуазіи к демократическим слоям народа, *приходится всецѣло признать и принять в полном его объемѣ.**)

Причем это должно быть обязательно, повторяю, не

*)Нелишне замѣтить, что этот переворот вовсе не составляет исключительной заслуги большевиков. Весьма возможно, что этот политическій переворот был бы совершен и временным правительством, совершенно гладко и безболѣзненно, без гражданской войны и без особенных жертв, если бы не его желаніе остаться вѣрным союзникам в войнѣ с Германіей во что бы то ни стало и до конца. Во всяком случаѣ начало этому перевороту скорѣе было положено стихійным движеніем крестьян, стихійной волной поджогов, разграбленій и уничтоженій дворянских и помѣщичьих имѣній в большей части центральных губерній, почти повсюду сопровождавшихся уничтоженіем казенных винных складов. Это стихійное движеніе началось еще в августѣ и продолжалось цѣлых два мѣсяца. И только послѣ того, как большевики убѣдились в полном безсиліи временнаго правительства, они совершили октябрьскій переворот.

только для самого русскаго народа, но и для тѣх дружественных держав, которыя желают придти на помощь Россіи в процессѣ ея возстановленія.

Это кажется, вполнѣ поняло и учло англійское правительство послѣ пораженія Деникина.

Большая часть польской и русской прессы относится или до весьма недавняго времени относилась к англійской политикѣ по отношенію к Россіи оппозиціонно и даже враждебно, осуждая ея заигриваніе с большевиками и даже готовность заключить с ними торговые договоры, если не признать их совѣм. Но такой взгляд на англійскую политику ошибочен, и его можно объяснить только полным непониманіем истиннаго положенія вещей. Англійскій народ и его правительство заслуживает слишком большого уваженія, чтобы можно было относиться к политикѣ послѣдняго поверхностно и необдуманно, даже и в том случаѣ, когда в самом кабинетѣ министров имѣется разногласіе в каком-нибудь вопросѣ, а само правительство колеблется в своих рѣшеніях.

В самом дѣлѣ, можно ли хоть на минуту допустить, чтобы Ллойд-Джорж охотно хотѣл признать большевиков, тѣх самых, образ дѣйствій которых он не раз публично порицал, и чьи идеи он считает „ложными и смѣшными“? Может ли глава Англійскаго правительства считать образ правленія большевиков правильным, а положеніе совѣтской власти прочным? Вѣдь он отлично понимает, что населеніе „рабоче-крестьянской“ республики, в том числѣ и крестьяне, и рабочіе, любит свое коммунистическое правительство не больше, чѣм „возлюбленный народ“ любил царя и его чиновников. Нельзя же в самом дѣлѣ сомнѣваться в том, что, если бы Ллойд Джорж считал совѣтскую власть прочной, а идеи большевик в правильными и жизненными, он не только не смѣялся бы над ними, не только сопротивлялся бы распространенію их у себя дома, но сам старался бы осуществлять их в своем государствѣ. А между тѣм уже

второй год продолжаются переговоры о торговых сношеніях с большевиками и до сих пор все еще без всякаго результата.

Далѣе, даже чисто-технически трудно себѣ представить торговые договоры между двумя странами, основы общественной и экономической жизни которых радикально различаются между собой. Это, кажется, возможно было бы только, если вернуться к формам жизни доисторической эпохи, когда существовала исключительно мѣновая торговля. В настоящее время всякіе торговые договоры предполагают кредит. А заслуживает ли довѣрія и кредита большевистское правительство? Ц. И. К., хотя бы в нем было тысяча человѣк, состоит большею частью из молодых, недоучившихся крикунов, обладающих только членораздѣльной рѣчью и умѣющих только кричать: „Долой капитализм“, „да здравствует коммунизм“. Как стадо баранов, они слѣпо и безсознательно слѣдуют за своим вождем. А заслуживает ли довѣрія сам вождь, эта достойная креатура нѣмецкаго кайзера? В смыслѣ лжи и хитрости, кажется, он даже превосходит своего творца и бывшаго патрона. И вообще, можно-ли довѣрять обязательству соціалиста, сторонника историческаго матеріализма, который при том толкует его так, что его сознаніе может мѣняться каждые 24 минуты, под вліяніем измѣненія реальных событій?

С другой стороны живущіе заграницей русскіе патріоты различных направленій и партійности молят Антанту о помощи. Но всякая помощь производится на основаніи правила: do ut des. А кто, кромѣ большевиков, в настоящій момент является подлинным представителем русскаго народа? Кто может считаться истинным представителем его, тѣм юридическим лицом, простите, если так выражусь, торговаго общества „Россія“, чьи обязательства могли бы имѣть реальное значеніе? Остатки прежних правящих сфер и прежней бюрократіи? Да они и прежде, еще до войны не пользовались особенной сим-

патіей англійскаго народа и англійскаго правительства. Царскій режим в не меньшей степени, чѣм теперешнее коммунистическое правительство, отличался произволом, жестокостью и жестокими гоненіями и преслѣдованіями свободной демократической мысли, неслыханной продажностью, которая немалую роль играла в ходѣ военных событій в послѣднюю войну. Они, в извѣстном смыслѣ, тоже были большевиками, только большевиками сверху.

Кромѣ того, не нужно забывать, что династія „Романовых", вѣрнѣе династія Гольштинг-Готорп, была слишком тѣсно связана историческими и родственными узами с нѣмецким правящим классом. Так что политика „Романовых" была собственно не русской, а скорѣе нѣмецкой. Формула 60-70 годов, именно: что нѣмцу здорово, то русскому смерть, и наоборот, что нѣмцу смерть, то русскому здорово, осталась вѣрной вплоть до войны 1914 года, а во время войны выступила особенно ярко и рельефно.

Сама же Россія в данный момент представляет полнѣйшій хаос, русскій народ - хаотическій конгломерат людей, аморфную, безформенную совершенно неорганизованную массу, необъединенную никакой общей и единой идеей. В сознаніи широких народных масс нѣт понятія единства государства, как напр. у нѣмцев, англичан и французов. В их сердцах нѣт чувства любви к родинѣ, патріотизма они почти не знают. Нѣт также простого сознанія и пониманія своих обще-народных интересов. Соціалистическія же идеи, которыя насильно стараются привить массам правительство Р. С. Ф. С. Р., пристает к ним, и не только к крестьянскому, но даже и городскому населенію, как горох к стѣнкѣ. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что от большевистских лозунгов правящей коммунистической партіи, даже через сто лѣт в русском народѣ останется столько же, если не меньше, чѣм сколько во французском народѣ осталось от лозунгов французской революціи: liberté, egalité, fraternité

„свобода, равенство и братство". И к каждому вождю западно-европейскаго пролетаріата, серьезно разсматривающему большевистскую революцію с соціалистической точки зрѣнія и трактующему о ней с этой же точки зрѣнія, можно относиться только с иронической улыбкой, ибо он этим доказывает только абсолютное незнакомство с дѣйствительным положеніем в странѣ и принимает громкія фразы отдѣльных личностей и состоящих на жаловании писак за настоящее организованное соціалистическое движеніе.*)

Единственныя чувства, охватившія широкія народныя массы и объединявшія их в концѣ 1917 года, были ненависть к правящей бюрократіи и земельной буржуазіи, месть за вѣковое порабощеніе. Единственная мысль, овладѣвшая умами народа, была грабеж и жажда наживы, грабить своих прежних господ так же, как они грабили народ до сих пор. В указанных чувствах, желаніях и мыслях слились всѣ стремленія народных масс, вся освобожденная от вѣковых оков народная душа. Вся жизнь масс была полна ими и вертѣлась исключительно около

*)Для характеристики и оцѣнки значенія распространенія соціалистических или даже коммунистических идей в русском народѣ я приведу слѣдующій факт. В февралѣ нынѣшняго года видный член Рязанскаго Губисполкома, бывшій юрист, а теперь казенный вдохновитель большевистских идей и жандармскій полковник Совѣтской власти, А. С. С., разсказал мнѣ слѣдующее: на днях сам предсѣдатель Зарайской уѣздной коммунистической партіи обратился к нему за совѣтом, как освободить Ленина от окружающих его жидов.

Ясно, что психологія, представленія и понятія даже самого предсѣдателя уѣздной коммунистической партіи осталась прежней, царской. При царѣ тоже говорили: сам царь хорошій человѣк, да окружающіе его совѣтчики плохіе. Кромѣ того, психологія по отношенію к „жидам" у „соціалистов-коммунистов" тоже осталась прежняя.

ших. Нѣкоторое время послѣ февральской революціи народ находился как будто в раздумьи и нерѣшительности, он дѣйствовал еще под порогом сознанія. Пока наконец народ, почуяв отсутствіе власти, дал волю своей накопившейся злобѣ, и его мечта стала превращаться в дѣло. В августѣ началась стихійная волна грабежей, захватившая в первую очередь дворянскія имѣнія и винныя казенныя монополіи, которыя, как губка, всасывали в себя все народное достояніе. Только послѣ лозунга Ленина, этого истиннаго выразителя народной души в данный момент: „грабить награбленное", грабеж перебросился в города на промышленную буржуазію, купечество и интеллигенцію. И тогда началась настоящая вакханалія грабителей. Первые комиссары и их родственники в сопровожденіи цѣлой вооруженной толпы крестьян врывались в дома помѣщиков и богатых купцов и выносили оттуда все, что было цѣнное. Нѣкоторых обобрали до ниточки, и сами они, чтобы спасти свою жизнь, исчезли совсѣм с горизонта. На станціях и в пути останавливались поѣзда, и крестьяне таскали из вагонов все, что только попадало под руку: и соль, и сахар, муку, желѣзо, стекло и т. п. и все таскали в свои муравейники. И все это, конечно, во имя святого общечеловѣческаго идеала — соціализма.

Эта волна грабежей продолжалась два три мѣсяца. Многіе посторонніе зрители, большей частью люди интеллигентных профессій спрашивали друг друга: когда же будет конец этим грабежам, и отвѣт был очень простой: когда грабить будет больше нечего и некого, и когда начнут грабить друг у друга.

В настоящее время усиліями соціалистическаго правительства страна, кажется, уже достигла указаннаго фазиса.

Само собой ясно, что при таких условіях, когда в странѣ господствует разруха, анархія и хаос, когда массы представляют собой безформенное тѣло, неорганизованную

матерію, неодухотворенную никакой общей и единой идеей, когда процесс кристаллизаціи народнаго сознанія на новых началах еле только начинается, ни одна партія, ни одна группа не может имѣть за собою большинства народа и не может считаться его представительницей. Точно также ясно, что всякая военная помощь есть в тоже самое время поддержка той партіи или группы, в распоряженіе которой эта помощь предоставляется. А какая партія или группа может считаться истинной выразительницей народных стремленій, истинной представительницей по крайней мѣрѣ большинства народа? На этот вопрос не может быть двух отвѣтов, и отвѣт может гласить только: никакая. В чье же распоряженіе предоставлять военную помощь? Ясно само собой, что совершенно правильна точка зрѣнія англійскаго правительства. По отношенію к Россіи в настоящій момент может быть только одно: состояніе ни войны, ни мира, сохраненіе полнаго невмѣшательства и выжидательное положеніе. Это есть единственный выход из создавшагося положенія вещей в самой Россіи.

Впрочем, военная помощь Россіи (в ея цѣлом) может или вѣрнѣе могла бы быть мыслима только в одном смыслѣ. Большевистское правительство учредило гораздо большее число охранок, чѣм их было при царизмѣ. Сѣти каждой охранки-чрезвычайки гораздо шире и гуще; число содержащихся на государственный счет, или что то же, на народныя деньги жандармов и шпіонов, явных и тайных, несравненно больше. Количество государственных преступников, или по терминологіи большевиков, „контр-революціонеров" во много раз превосходит число их при царѣ. Даже простое слово критики существующаго коммунистическаго строя преслѣдуется самым жестоким и варварским образом. Уже одно подозрѣніе личности в несогласіи ея мыслей с міровоззрѣніем правящих сфер достаточно, чтобы заключить ее в тюрьму. Всякое выраженіе свободной демократической мысли устно или

печатно преслѣдуется и душится в самом корнѣ такими варварскими пріемами, до которых не додумалось ни одно даже самое реакціонное европейское правительство. По чисто іезуитскому способу большевики обходятся даже без цензуры, и всякія жалобы на строгости таковой апріори невозможны. А это достигается очень просто тѣм, что во всей странѣ не может быть ни одной другой газеты, кромѣ правительственной, ни одной брошюры, которая не прошла бы через народный комиссаріат просвѣщенія: вѣдь все издательство государственное. Очевидно ход мыслей у господ коммунистов школы Ленина и К°. вполнѣ совпадает с образом мыслей того халифа, который в VII-м вѣкѣ сжег знаменитое александрійское книгохранилище на том основаніи, что эти книги во всяком случаѣ не нужны: ибо или в них содержатся тѣ же мысли, что в Коранѣ, либо онѣ противорѣчат Корану. Что Коран для арабов VII-го вѣка, то „коммунизм“ для современных варваров.

По истинѣ неслыханно грубый произвол, гоненія и преслѣдованія свободной критической мысли и политическій гнет в „рабоче-крестьянской“ „республикѣ“, в странѣ „диктатуры пролетаріата“ гораздо суровѣе и безчеловѣчнѣе, чѣм при царизмѣ. И потому всѣ тѣ эпитеты, которые когда-то прилагали эти же бывшіе революціонеры к особѣ царя и его чиновникам, как напр. палач, вѣшатель, кровопійца, душитель мысли и т. п., в настоящее время с гораздо большим правом можно примѣнить к особѣ Ленина и его чиновникам. Вообще представители диктатуры пролетаріата, запершійся в Кремлѣ „мозг всемірнаго соціализма“ и всемірной соціалистической революціи отнюдь не дѣлает чести западно-европейскому пролетаріату. И сам Маркс, мнѣ кажется, десять раз перевернулся бы в гробу от стыда и гнѣва, если бы он узнал, что он снят на одном клочкѣ бумаги вмѣстѣ с головотяпом и подлинным душителем свободной критической мысли — Лениным.

Уничтоженіе важных для Европы и всего міра матеріальных богатств обширных территорій Россіи, политическое и духовное угнетеніе 150-милліоннаго народа небольшой бандой организованных насильников — позор для всего цивилизованнаго міра. И долгом Лиги Народов, ея нравственной обязанностью было бы, теперь, когда разрушительная работа этих „освободителей" русскаго народа кончена, ибо разрушать, кажется, уже больше нечего, освободить русскій народ от таких благодѣтелей и дать ему возможность свободно развиваться.

Однако, с одной стороны Лига Народов еще слишком молода и не окрѣпла. Она не может ставить себѣ таких задач и цѣлей, которыя еще не вошли в сознаніе народов. С другой стороны, Лига Народов при настоящем запутанном положеніи в самой Западной Европѣ, может быть, не располагает такими значительными силами, чтобы завоевать обширныя пространства Россіи. Так что, говорить о нравственной обязанности Лиги Народов и разсчитывать на ея помощь, по крайней мѣрѣ, преждевременно.

Итак, мы стоим перед тѣм величайшей важности фактом, что в процессѣ возстановленія Россіи, нормальной жизни и порядка в ней, русскій народ предоставлен исключительно самому себѣ, своим собственным силам. Поэтому пора отрезвиться, пора трезво оглянуться на столь недавнее прошлое, спокойно и хладнокровно отнестись к его потрясающим событіям, поглубже вникнуть во всѣ происшедшія перемѣны и стараться всесторонне понять их сущность, все их громадное значеніе и силу. Без этого пониманія мы не будем имѣть вѣрнаго представленія о дѣйствительном положеніи вещей, а без этого послѣдняго мы будем продолжать дѣйствовоть ощупью, на авось, и всѣ наши освободительныя дѣйствія, стоющія громадных средств и живой силы, все будут имѣть характер попыток, и только попыток. Эти попытки носят явный характер чисто рефлекторной дѣятельности, выте-

кающей из одного только инстинктивнаго чувства самосохраненія, а потому пора покончить с ними и перейти к таким вполнѣ сознательным дѣйствіям, какія диктуются полным и всесторонним пониманіем происшедшаго, и таким же ясным пониманіем положенія вещей в настоящем и поставленной цѣли в будущем.

В чем же заключалась основная ошибка, основной грѣх царскаго режима?

Основная ошибка его состояла в том, что правительство и народ не были частями одного и того же организма, одного цѣлаго, между ними лежала глубокая непроходимая пропасть, через которую вел только весьма непрочный мост. Правительство и правящія сферы говорили, как Людовик XIV: государство это мы, государственность это исключительно наши интересы, т. е. интересы 130.000 военной бюрократіи и объединеннаго дворянства. А 150-милліонный народ был только средством, единственное назначеніе котораго служить существованію и благополучію правящаго класса. Отожествляя себя с государством и государственностью, правящія сферы заботились только о своем личном существованіи, об интересах же народа заботились лишь постольку, поскольку это было необходимо для этой единственной государственной цѣли. Словом, вся система царскаго управленія может быть охарактеризована в двух словах: *не правительство для народа, а народ для правительства.*

И вот, весь смысл революціи, все громадное значеніе страшных и потрясающих событій послѣдняго времени заключается не в чем ином, как именно в полном и окончательном крушеніи этой монархически-феодальной системы управленія.

Образ правленія на основѣ: не правительство для народа, а народ для правительства должен рѣшительно быть сдан в архив и окончательно уйти в область исторіи. Вмѣстѣ с системой должны сойти со сцены также и лица, в которых она вплощалась.

Вся основная ошибка, непростительный грѣх Временнаго правительства заключается именно в том, что им ничего не было сдѣлано в этом направленіи.

Поэтому всѣ истинные и искренніе друзья народа, всѣ честные демократическіе элементы должны рѣшительно и раз навсегда отказаться от всяких попыток возстановить до-революціонный строй, даже от всяких компромиссов с ним. Они должны рѣзко и рѣшительно повернуть общественно-государственный руль в сторону истинной демократіи. Желая взять в свои руки руль будущаго истиннаго демократическаго корабля, они должны категорически и как можно рѣшительнѣе порвать со всѣми тѣми элементами, которые еще не отказались от своих несбыточных мечтаній, от своих попыток, под тѣм или иным соусом возстановить старый порядок, влить новое псевдо-демократическое вино в старые мѣхи нѣмецкой и дворянской бюрократіи.

Истинно-демократическое правительство с истинно-демократической программой не на бумагѣ, не на словах, а дѣйствительно проведенной в жизнь - это основное и первое условіе успѣха, вѣрной побѣды над большевиками и прочнаго существованія.

При настоящих условіях всѣ демократическіе элементы, желающіе возстановить порядок и нормальную жизнь в Россіи на одних чисто демократических началах, на основѣ: *правительство из народа и для народа*, поставлены в необходимость вести отчаянную борьбу с захватившими власть и болѣе или менѣе укрѣпившимися большевиками. Борьба с ними, и в этом надо сознаться, будет очень не легкая, трудная и продолжительная. Ибо, как было указано выше, в их способѣ постановки революціи, имѣются также и положительныя стороны. Однако, борьба с ними не безнадежная, может быть даже сравнительно и легкая, если только направлять стрѣлы в наиболѣе уязвимую, слабую сторону их революціонной дѣятельности, если стараться попасть в их ошибки,

Основная же ошибка большевиков заключается в том, что они хотѣли одним выстрѣлом убить двух зайцев. Они хотѣли сразу совершить и политическую и соціалистическую революцію. Причем, главной задачей своей революціонной дѣятельности они сдѣлали соціалистическій элемент, соціальную революцію. Политическая же революція совершалась ими попутно, так сказать между прочим. Они руководились почти исключительно требованіями соціалистической революціи. Так как они понимали, что послѣдняя может быть прочна только в том случаѣ, когда она совершается в міровом масштабѣ, то их взоры всегда были обращены в сторону западно-европейскаго пролетаріата и всемірной соціалистической революціи. Поэтому они не интересовались даже специфическими особенностями *русской революціи*, как таковой; они не принимали во вниманіе условій мѣста и времени, не работали для Россіи, именно для русскаго государства, для русскаго народа. Русскій народ, его жизнь, его достояніе и счастіе служили только средством к достиженію цѣли. Самой же цѣлью была и осталась соціальная революція в міровом масштабѣ.

Однако, русскій народ не позволит дольше производить над собою мертворожденных опытов. Когда в русском народѣ успокоится чувство мести, уляжется страсть к грабежам, он захочет воспользоваться плодами революціи, плодами своей побѣды над прежними господами. Крестьянин, почувствовав свою свободу и самостоятельность, захочет жить личной жизнью, в свое личное удовольствіе, захочет жить по человѣчески, т. е. тоже пользоваться благами культуры, науки и техники, а это значит, он тоже захочет жить по „буржуйски". Он охотно готов приносить дальнѣйшія жертвы, но лишь на свой собственный алтарь, на алтарь своего личнаго благополучія и личнаго счастія. Но он со всей рѣшительностью откажется от жертвоприношеній на алтарь идеала своего правительства всемірной соціалистической

революціи. Этот послѣдній совершенно чужд русскому крестьянину. И как большевистское правительство ни старается пропагандировать свой идеал и насильственно прививать его русскому народу, он пристает к нему, именно как горох к стѣнѣ. Крестьянин не только его не понимает, да он и не в состояніи понять его, но даже им нисколько не интересуется. Да иначе и быть не может. Вѣдь крестьянин вообще по своей природѣ собственник, а тѣм болѣе русскій крестьянин, который *именно только теперь* в настоящем смыслѣ освободился от цѣпей рабства и который теперь страстно желает по настоящему отпраздновать свадьбу своего экономическаго благосостоянія и гражданской свободы.

И именно *теперь*, когда народ жаждет как можно скорѣе устроить свой праздник завоеванія свободы и благосостоянія, когда народная душа полна страстным желаніем наконец то предаться наступившему празднику *своего, именно своего* благополучія, во всей яркости и силѣ выступит *глубокое противорѣчіе между коммунистическим правительством и народом*. Ибо единственным препятствіем на пути к счастью народа стоит коммунистическое правительство со своей коммунистической программой. В этой именно коммунистической программѣ, которая, повторяю, совершенно чужда народу, заключается такое же глубокое внутреннее противорѣчіе между совѣтским правительством и народом, как абсолютизм и отожествленіе себя с государством составляло противорѣчіе царизма. Как царизм и царская бюрократія держались на штыках и тюрьмах, на жандармеріи, террорѣ и административной ссылкѣ в Сибирь, точно так же и коммунистическая бюрократія с Лениным во главѣ держится исключительно на штыках, чрезвычайках, шпіонажѣ и разстрѣлах. Умник Ленин и коммунисты пьют не меньше русской крови, во всяком случаѣ не меньше крови русской интеллигенціи, чѣм „идіот" Николай II и его чиновники. Как народ страдал от произвола и гнета

царизма, так он теперь задыхается и все больше и болѣе будет задыхаться в цѣпях „коммунизма“, в когтях ленинскаго „соціализма“.

И нужно полагать и надѣяться, даже болѣе, я в этом глубоко убѣжден, что как царизм погиб от абсолютизма, так же точно большевики должны погибнуть от своего коммунизма. Разумѣется само собой, если только они останутся соціалистами-коммунистами и не откажутся от своего идеала, от диктатуры всемірнаго пролетаріата и III интернаціонала. Противорѣчіе между народом и коммунистическим правительством обнаружится тѣм скорѣе и тѣм острѣе, что *настроенія масс от начала революціи радикально измѣнились.*

Если превозглашенный 3 года тому назад клич: „грабить награбленное“ как нельзя болѣе пришелся по душѣ, попал не в бровь, а в самый глаз народу, и потому он охотно, с полным довѣріем, почти страстно пошел за тѣми, кто сумѣл угадать тайну народной души, и превозгласить такой „принцип истинной свободы“, который в то же время служил массам доказательством единенія власти с народом. Зато теперь, когда народ устал грабить, да грабить больше некого и нечего кромѣ самого себя, он жаждет перейти к спокойной трудовой жизни, спокойно заниматься своим хозяйством, но по своему личному соображенію и расчету. Однако, и на это необходимо обратить самое серіозное вниманіе, при том непремѣнном условіи, чтобы *закрѣпить за собою все награбленное и завоеванное без всякаго возмездія*, и чтобы это закрѣпленіе было санкціонировано не одной только физической силой, но и, и это самое главное, *законом*, „*правом*“.

Народ, хотя быть может инстинктивно, но отлично понимает и сознает, что в странѣ сейчас нѣт порядка, нѣт закона, нѣт хозяина, что в странѣ господствует хаос и анархія. Он с одной стороны никоим образом не может отказаться от мысли о частной собственности на свой участок земли, на продукты своих трудов,

почему он и называет всякія реквизиціи, хотя бы для нужд войны, незаконным грабежем. А с другой стороны, большевистскія власти постоянно пугают крестьян тѣм, что, когда к власти вернутся помѣщики-дворяне и царскіе генералы, они отнимут у них, у крестьян, землю и заставят их платить за все награбленное и разрушенное. Поэтому понятно самой собой, что в настоящій момент желаніе народа, всѣ его чаянія и вождѣленія заключаются в том, чтобы в странѣ был установлен и господствовал такой *законный* порядок, который не лишил бы его той собственности, которой он владѣет в данный момент, и чтобы закон обезпечивал каждому возможность увеличивать свои доходы и богатства, чтобы каждый мог без страха и ограниченія накоплять все большіе капиталы и стать настоящим собственником-капиталистом

Теперь народныя массы готовы всѣми силами и средствами сопротивляться такому общественному порядку, который стал бы парализовать личную иниціативу, ограничивать стремленіе к личной собственности, личному богатству и капиталу, и наоборот, народ с распростертыми руками примет тѣх, кто сумѣет угадать его потребности и проникающія всю его душу и мозг чаянія и надежды. Он охотно, страстно будет слѣдовать за тѣми, кто провозгласит отвѣчающія его умонастроенію лозунги и сумѣет проводить их в жизнь, кто сумѣет обѣщать и установить в странѣ такой закон и порядок, который обезпечивал бы ему сохраненіе собственности и возможность увеличивать свои владѣнія, свои богатства. Поэтому, лозунг, который несомнѣнно и немедленно же привлечет вниманіе и симпатіи всего народа должен гласить: обезпеченіе неприкосновенности личности *и его настоящей собственности без всякаго возмездія*; обезпеченіе личнаго богатства и благополучія на основѣ частной собственности, возможность развитія всѣх физическихъ и умственных сил личности на основѣ личной иниціативы, полной свободы промышленности и торговли, свободы мысли, слова, печати и собраній.

Вот основа той демократической программы, с которой слѣдует *теперь* обратиться к народу, и успѣх которой заранѣе можно считать обезпеченным.

Будет ли борьба с большевиками болѣе трудной или легкой, болѣе продолжительной или короткой, ясно, что борьба с ними неминуема, и вести ее придется во что бы то ни стало. При этом, всѣ, я не скажу, всѣ антибольшевистскія силы, ибо никоим образом нельзя соединить их всѣх в одну кучу, так как среди них имѣются и такія, которыя приносят гораздо больше вреда, чѣм пользы; но я скажу, всѣ честные и истинно демократическіе элементы должны принять во вниманіе то обстоятельство, что при настоящих условіях единственное средство борьбы, единственная сила, на которую они могут опереться и надѣяться, это - сам народ. И поэтому перед ними встает во всей своей остротѣ и силѣ вопрос: *с чѣм пойти к народу и как к нему подойти?*

Не имѣя возможности и времени останавливаться на подробностях, ограничусь только слѣдующими общими указаніями. В первую очередь слѣдует еще раз повторить и особенно подчеркнуть необходимость раз навсегда и самым рѣшительным образом порвать с прежней бюрократіей и окончательно отказаться от всяких необыточных мечтаній, которыя все еще лелѣют остатки царскаго правительства и царских чиновников, представители земельной, а может быть также и промышленной буржуазіи.

Зная умонастроеніе народа, особенно его молодой части, можно с положительностью, не оставляющей рѣшительно никакого сомнѣнія, сказать, что ореол, которым был когда то окружен царь-батюшка исчез, и может быть безвозвратно. При одном воспоминаніи о своем прежнем идолѣ народу как будто стыдно за самого себя, за свою глупость, за свое невѣжество. Прежнее благоговѣніе смѣнилось озлобленіем, способным возбуждать только желаніе мести его представителям. Это одно.

Второе - это честное предложеніе и искреннее желаніе проведенія в жизнь *всѣх* положеній демократической программы. Основныя положенія этой демократической программы: отказ от царской бюрократіи и полицейски-феодальнаго режима, *безвозмездное* закрѣпленіе за крестьянином его нынѣшняго участка земли; неприкосновенность личности и ея имущества; свобода экономических и потребительских союзов и организацій; свобода промышленности и торговли, свобода собраній, печати, слова и совѣсти - удовлетворят не только широкія массы крестьян и рабочих, но привлекут к себѣ также и интеллигентный пролетаріат. Демократическая программа объединит всѣ тѣ истинно демократическіе элементы, которые сами вышли из народа и всегда ставили на своем знамени идеал служенія народу, поднятію его экономическаго благосостоянія, его умственнаго и культурнаго уровня. При этом, подобно тому, как всѣ эти идейныя силы до революціи встрѣчали препятствія на пути своего служенія благу народных масс в царском режимѣ, так же точно они теперь все болѣе и болѣе убѣждаются в том, что работѣ на благо народа, на поднятіе его умственнаго и культурнаго уровня мѣшает исключительно правящая коммунистическая партія. Поэтому не может быть сомнѣнія в том, что демократическая программа, вышеуказанныя основныя положенія ея будут тепло и с радостью приняты всѣми тѣми идейными и революціонными элементами, которые сначала увлеклись революціонной дѣятельностью по рецепту Ленина и Троцкаго, но теперь все болѣе и болѣе разочаровываются в возможности насаждать соціализм путем открытаго и скрытаго грабежа, путем чрезвычаек-охранок, террора и гоненія на свободную критическую мысль. Не может быть также сомнѣнія в том, что демократическая программа послужит тѣм цементом, который скрѣпит крѣпкими идейными и духовными узами, установит близкое духовное родство между всѣми идейными элементами русскаго народа, как живущими

заграницей, так и оставшимися в Росси, и одинаково считающимися „контрреволюціонерами“ или государственными преступниками.

И если эти истинные друзья народа, искренно желающіе его счастія, искренно стремящіеся к тому, чтобы дать ему возможность развивать всѣ свои физическія и духовныя силы, находятся под давленіем страшнаго террора, подвергаются преслѣдованіям коммунистических тайных шпіонов и жандармов, и тысячами томятся в тюрьмах; если их мозг и сердце, их свободная мысль и чувство закованы в желѣзныя цѣпи, а на уста наложен замок, то тѣм большая обязанность лежит на нас, живущих на свободѣ и пользующихся благами презрѣнной „буржуазной“ западно-европейской культуры и цивилизаціи, неустанно и не покладая рук работать в духѣ демократической программы. Мы обязаны всѣми силами и средствами облегчить положеніе наших идейных единомышленников, по приказу запершихся в Кремлѣ тиранов, томящихся в переполненных и зараженных тюрьмах, и помочь народу сбросить с себя цѣпи коммунистическаго рабства.

Далѣе, необходимо обратить самое серьезное вниманіе на то, что демократическая программа, принятая цѣликом, *одна только способна вырвать из рук большевиков их самый важный козырь, - аргумент*, которым они пугают народ, возстанавливают его против всѣх его истинных друзей, всячески возбуждают и поддерживают в народѣ сильное недовѣріе ко всякому иному его представительству. Принятіе основных положеній программы, в полном объемѣ, лишает большевиков возможности твердить народу, что всякое другое правительство не будет стоять на стражѣ интересов крестьян и рабочих, что помѣщики будут отнимать у крестьян землю и заставят их платить за всѣ убытки, и т. д. Большевики уже не смогут страшить народныя массы возстановленіем царизма со всѣми его аттрибутами, царскими генералами, жандармеріей, административной ссылкой, произволом,

цензурой и т. п. И раз они будут лишены этого в высшей степени сильнаго, в данный момент единственнаго и послѣдняго козыря, большевики вообще потеряют всякое вліяніе на народ. И тогда можно с увѣренностью сказать, что их пѣсенка спѣта. Поэтому-то, на это обстоятельство необходимо обратить самое сильное и самое серіозное вниманіе.

Я полагаю, что демократическая программа имѣет столь громадное значеніе, принятіе ея в полном объемѣ столь важно, что она должна служить лейтмотивом, единственным и непремѣнным условіем, conditio sine qua non, как для возникновенія и существованія всякаго другого русскаго правительства, так и для всѣх тѣх державъ, которыя в той или иной формѣ желают оказать русскому народу помощь в дѣлѣ возстановленія в Россіи нормальнаго порядка и нормальной жизни.

Кто будет выразителем этой демократической программы и воплотителем ея в жизни?

Принимая во вниманіе тот факт, что народ в настоящее время представляет хаотическую массу, не имѣющую ни выразителя своих желаній и стремленій, ни своего истиннаго представителя, необходимо создать такого в лицѣ *единаго демократическаго правительства*. В состав этого правительства должны входить представители опять-таки отнюдь не всѣх антибольшевитских сил, а только и исключительно тѣх партій, которыя честно принимают вышеуказанныя основы демократической программы и искренно желают проводить их в жизнь. В этом едином демократическом правительствѣ, стало быть, не должно быть мѣста ни крайним правым элементам, все еще не могущим разстаться с мыслью о возстановленіи прежняго строя и правопорядка и продолжающим смотрѣть на „мужиков“, только как на шапки, слѣпо и безсознательно повинующіяся своему царю; ни крайним лѣвым элементам, мечтающим о возможности производить над русским народом свои соціалистическіе, если не большевистскіе, то меньшевистскіе или эсеровскіе

опыты и слѣпить из этой безформенной и темной массы „соціалистов“ по своему образу и подобію. Необходимо помнить, что русскій крестьянин, достигшій нѣкотораго матеріальнаго благосостоянія, понявшій и сознавшій свою силу и свое значеніе в жизни государства, в настоящее время много вырос в своих глазах и достиг значительной степени сознанія собственнаго достоинства. А потому он не может и не будет больше подчиняться царю, как прежде, и с другой стороны он никому не позволит сдѣлать из себя игрушку для желающих забавляться дѣтскими опытами осуществленія идеалов соціализма на практикѣ.

Поэтому при образованіи единаго демократическаго правительства должна быть соблюдена крайняя осторожность в выборѣ лиц. Ибо народныя массы потеряли довѣріе с одной стороны к царскому правительству, а с другой к „праву“ или „закону“ соціалистов-коммунистов. И вполнѣ естественно, что онѣ будут относиться ко всякому новому правительству, которое желало бы взять в свои руки государственный руль, с крайней подозрительностью и рѣшительным недовѣріем. К тому же об этом, как это впрочем само собой понятно, позаботятся также и большевики, которые не преминут использовать недостатки той или другой личности для дискредитированія в глазах народа всего правительства, отлично помня при этом, что справедливость и честность это только буржуазные предразсудки. А возбудить в массах подозрительность, недовѣріе и недовольство тѣм легче, что массы не в состояніи еще разбираться в политических программах различных партій. Политическое сознаніе и воспитаніе масс не могло свободно развиваться ни при царизмѣ, ни даже теперь, при диктатурѣ пролетаріата или вѣрнѣе при совѣтскойвласти Ленина и К-о.

Так что пріобрѣсть довѣріе народных масс при настоящих условіях задача крайне трудная, до невѣроятно-

сти тяжелая. И управлять теперь государственным кораблем и ввести государственную жизнь в нормальное русло способны будут только исключительно сильныя и одаренныя, в полном смыслѣ слова историческія личности.

Задача этого будущаго правительства, от имени котораго и будет преподнесена народу демократическая программа, должна заключаться в сосредоточеніи в своих руках: 1) всѣх средств физической борьбы с большевиками и 2) всѣх идейных средств вліянія на народныя массы и воспитанія их согласно основам демократической программы.

Революція вызвала не только переворот в политической, общественной и экономической жизни народа, но такія же глубокія измѣненія, такая же переоцѣнка цѣнностей произошла в его психикѣ, в его понятіях, взглядах и чувствах. Под вліяніем послѣдовавших за революціей матеріальных и психических измѣненій в настоящее время происходит процесс всесторонняго и глубокаго перевоспитанія народа, процесс, охватывающій рѣшительно всѣ слои и классы населенія. Широко и глубоко понять этот всеохватывающій процесс перевоспитанія народа, не односторонне освѣщать его, как это дѣлают большевики-коммунисты, а освѣщать его всесторонне и возможно полнѣе; указать и пояснять народу отрицательныя стороны большевизма, показывать, что при этом образѣ правленія невозможно ни всестороннее развитіе личности, ни рост богатств и мощи всей страны; разъяснять народу всѣ выгоды и положительныя стороны этой демократической программы — вот в общих чертах главныя задачи идейнаго вліянія на народ и идейной борьбы с большевистской властью.

В необходимости духовной, идейной борьбы с большевиками не может быть ни малѣйшаго сомнѣнія, даже спору быть не может. Этим именно отличается большевистское правительство, и выгодно отличается от всякаго другого, что оно сразу выдвинуло не только классовые

интересы пролетаріата, но именно *идею*, обще-человѣческій идеал, которым оно оправдывает не только свое право на существованіе, но и свои жестокости и варварскія преступленія. Именно в том, что оно выдвинуло широкую обще-человѣческую идею заключается его сила. Но в ней же в то же время обнаруживается его слабость, поскольку этот идеал в настоящее время не осуществим, и поскольку методы осуществленія его ложны.

Необходимость идейной борьбы с большевиками выступает совершенно ясно даже и в том случаѣ, если мы будем смотрѣть на эту борьбу с чисто классовой точки зрѣнія. Для внимательнаго наблюдателя не может быть никакого сомнѣнія в том, что, несмотря на всѣ усилія правительства насаждать в странѣ соціализм, на самом дѣлѣ образованіе буржуазіи идет, даже в данный момент, быстрыми даже гигантскими шагами. Не имѣя возможности подробно останавливаться на этом процессѣ, замѣчу только, что крестьянин уже и сейчас в матеріальном отношеніи мелкій буржуа. Остается только сдѣлать его таким же и в идейном отношеніи, т. е. поднять его культурныя и умственныя потребности, увеличить его запросы жизни, расширить его кругозор, его міросозерцаніе.

Идейная борьба с большевиками, я бы сказал, важнѣе физической или военной, она во всяком случаѣ должна предшествовать послѣдней. Прежде чѣм дѣйствовать штыками, пулями и снарядами, необходимо желательным образом обрабатывать мозги непріятельской арміи, и тогда побѣда легче и обезпеченнѣе. Поэтому, единое демократическое правительство *должно немедленно же создать цѣлую многочисленную армію духовных, идейных работников*, понимающих свое дѣло и сознающих свою задачу и свою цѣль. Все равно будет ли физическая борьба с большевиками или нѣт, духовная армія борьбы во всяком случаѣ нужна, необходима. Если же будет и физическая борьба, то дѣятельность обѣих армій должна находиться в полном контактѣ, итти рука об руку

Непосредственная задача и дѣятельность идейной армій, стало быть, заключается в том, чтобы создать цѣлую „подпольную литературу“, провозить ее в совѣтскую Россію и распространять ее в народных массах и войсках.

Но тут да будет мнѣ позволено обратиться к пролетаріям всѣх стран со слѣдующим вопросом. Каждый раз, когда положеніе большевиков ухудшалось, как им казалось, что они на краю гибели, они обращались с призывом к рабочим всѣх стран, к всемірному пролетаріату, взывали к их чувству пролетарской солидарности и умоляли о помощи. И помощь большевикам в той или иной формѣ дѣйствительно оказывалась. В Англіи образовался Комитет дѣйствія, который производил сильное давленіе на правительство. В Германіи рабочіе задерживали поѣзда с аммуниціей для Польши, в Италіи транспортные служащіе отказывались перегружать пароходы для Врангеля, и т. д. Эту помощь рабочіе оказывали большевикам в их физической борьбѣ с врагом, против чисто физическаго насилія над большевиками.

Ну, ладно. Допустим, что рабочіе западной Европы поступали правильно, так как они полагали, что прійти на помощь против физическаго насилія над большевиками они обязаны и что они своим сочувствіем и реальной помощью улучшат положеніе своих братьев-рабочих и крестьян в совѣтской Россіи. Ну, а каково будет и каково должно быть отнэшеніе всемірнаго пролетаріата к идейной борьбѣ с большевиками? Считает ли он себя так же обязанным нравственно и матеріально помогать большевикам против их идейных противников?

В идейной борьбѣ вѣдь совершенно отсутствует элемент насилія. Идейная борьба имѣет своей задачей просвѣщеніе масс, безпристрастное освѣщеніе положенія и выясненіе истины. Идейная борьба, которая может вестись только печатным словом, так как свободное живое слово запрещено чуть ли не под страхом разстрѣла, должна прибѣгнуть к единственному средству — к подпольной

литературѣ. Поэтому естественно является вопрос, считает ли международный пролетаріат, который вѣдь должен быть провозвѣстником новых идей, новых и болѣе справедливых начал жизни, который должен быть авангардом человѣчества в его движеніи по пути прогресса, считает ли он для себя достойным ограничивать свободу слова и таким образом производить насиліе над убѣжденіями и совѣстью личности? Считает ли рабочій пролетаріат всего міра допустимым существованіе „подпольной литературы", которая представляет явное и наиболѣе убѣдительное доказательство насилія над свободой мысли и совѣсти, гдѣ бы то ни было, а в соціалистическом государствѣ в особенности? А если нѣт, то почему же он не вліяет на большевиков и не заставляет их смягчить свой неслыханно грубый произвол, свое варварское, чисто азіатски-тираническое преслѣдованіе свободы слова и мысли?

И раз международный пролетаріат всетаки оказывает большевикам прямую и косвенную помощь, то можно думать, что он вполнѣ солидарен с совѣтской властью в его преслѣдованіи идейной борьбы. Так ли это на самом дѣлѣ?

Пролетаріи всѣх стран отвѣчайте!

Может быть скажут, что торговыя сношенія с большевиками - это лучшій способ если не проведенія в жизнь демократической программы, то во всяком случаѣ лучшій метод борьбы с большевиками. На торговых сношеніях соціалистическаго правительства с капиталистической Западной Европой и Америкой лучше всего обнаружится фактическая несостоятельность соціалистической теоріи на практикѣ. В этом должен убѣдиться не только русскій, но, что гораздо важнѣе, западно-европейскій пролетаріат. Кромѣ того, благодаря торговым сношеніям населеніе „соціалистической-коммунистической" Россіи опять привыкнет к капиталистическому способу веденія хозяйства. И, что самое главное, это то, что торговыя сношенія с За-

падной Европой, право капиталистов эксплоатировать естественныя богатства страны чисто капиталистическим способом, их право нанимать рабочих и поденщиков и эксплоатировать их труд вызовет в населеніи огромное недовольство вслѣдствіе того, что, если это право предоставляется совѣтским правительством иностранным капиталистам, то почему же не давать этого же самаго права и своим русским капиталистам?

Недовольство совѣтским правительством в странѣ и без того огромно. Однако, на обширных пространствах необъятной Россіи имѣется еще так много темных и невѣжественных элементов, что, опираясь именно на эти послѣдніе и только на них, правительство может чувствовать себя вполнѣ прочным и достаточно сильным, чтобы бороться со своими собственными капиталистами. Мало того, Совѣтское соціалистическое правительство, сознавая ту огромную силу и мощь, какую оно имѣет в народной темнотѣ и невѣжествѣ, и вполнѣ вѣрно и сознательно учитывая всю важность этого фактора, (хотя бы и для соціалистическаго правительства), несомнѣнно обратится и по всей вѣроятности уже обратилось к своему „возлюбленному народу", к своим „возлюбленным рабочим и крестьянам" с соотвѣтствующим разъясненіем. Оно конечно, объяснит своему возлюбленному пролетаріату, что в том то и заключается все его несчастіе, что сейчас он еще слишком слаб, чтобы бороться с западно-европейскими и американскими капиталами, что необходимость уступок иностранным капиталистам вызывается прискорбным соотношеніем сил между капиталом и пролетаріатом. Но эти уступки, конечно, только временныя, и унывать не надо. Необходимо напрячь всю энергію, собирать и накоплять как можно больше сил, пользоваться всѣми средствами и обстоятельствами, и в конечной побѣдѣ русскаго и азіатскаго пролетаріата над западно-европейским капиталом и культурой не может быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

И надо отдать справедливость совѣтскому правительству, оно не спит и не дремлет. Убѣдившись, что пролетаріат цивилизованных стран Запада понял, в чем заключается вся сила русских соціалистов-коммунистов, а потому он и отказался слѣдовать за ними, совѣтское правительство рьяно и энергично принялось за организацію „пролетаріата“ Востока. Напрасно англійскіе и американскіе капиталисты надѣются при помощи торговых сношеній выкачать из кремлевских погребов все имѣющееся золото, которое, кстати сказать, пораженіем генерала Врангеля сразу очистилось от всяких грѣхов и пороков. О, большевики не такіе дураки. Львиную часть своих золотых запасов они лучше и с гораздо большей пользой для себя будут расходовать на пропаганду своих большевистских идей среди народов Востока. А на свое обязательство, данное англичанам, конечно, им в высокой степени наплевать. Золото, видите ли, это единственное и самое вѣрное средство для вербовки и организаціи своих вполнѣ сознательных „товарищей“, высоко просвѣщенных и теоретически отлично подготовленных, практически и тактически опытных соціалистов-коммунистов из киргизов, бурят, калмыков, самоѣдов, чувашей, и т. п. народов, стоящих на очень высокой ступени культуры и цивилизаціи, во всяком случаѣ выше европейских и американских соціалистов. Потеряв надежду на союз и помощь недостаточно развитаго и слишком мало сознательнаго пролетаріата Бельгіи, Франціи, Англіи и Америки, совѣтское соціалистическое правительство увидѣло себя вынужденным заключать „товарищескіе“, братскіе союзы с азіатскими народами, организовать и мобилизовать азіатскія полчища, чтобы при их помощи как можно основательнѣе разрушить и с корнем вырвать всю „буржуазную“, а потому ложную, культуру и цивилизацію, и вмѣсто нея насаждать и распространять в Европѣ и Америкѣ свою новую, „пролетарскую“, а потому единственно истинную цивилизацію И

при помощи тѣх же азіатов заставить II Интернаціонал признать и уважать III Интернаціонал Ленина и Зиновьева

По моему, глубоко ошибаются тѣ, кто думает, что торговыя сношенія с большевиками будут имѣть послѣдствіем скорѣйшее разложеніе большевиков извнутри, и уничтоженіе совѣтской власти мирным путем. Возобновленіе торговых сношеній с Совѣтской Россіей, даже и без оффиціальнаго признанія большевиков, означает громадную матеріальную и огромную моральную поддержку совѣтской власти. Матеріально большевики будут имѣть возможность укрѣпиться на много лѣт экономически. Морально, они сильно возвысятся в глазах восточных народов и государств и таким образом пріобрѣтут сильное вліяніе на них.

Поэтому не подлежит никакому сомнѣнію, что если Франція сдѣлала ошибку, поддерживая крайніе правые элементы русской бюрократіи, то Англія, стремящаяся к водворенію спокойствія и мира в Европѣ, совершает не меньшую ошибку, поддерживая крайніе лѣвые элементы-большевиков.

Вообще, кажется, не мѣшало бы нѣсколько остановиться над небезъинтересным вопросом: кто кого обманул в прошлом? Вильгельм Ленина или Ленин Вильгельма? и кто кого надует в будущем: Ллойд-Жорж Ленина или Ленин Ллойд-Жоржа?

Я глубоко убѣжден, что до тѣх пор пока в Россіи не будет возстановлен нормальный порядок и нормальная жизнь, пока Россія не будет играть роли важнаго фактора в ряду великих держав, никоим образом нельзя считать обще-европейскую войну оконченной, несмотря на Версальскій мир.

Уже и сейчас *многіе факты указывают на то, что тѣнь призрака новой общеевропейской войны встает из гроба.*

Вообще, кажется, не будет преувеличеніем, если скажу, что человѣчество вступает в полосу весьма серьезных политических осложненій, чреватых непрерывными,

почти постоянными войнами, которыя представляют серьезную опасность для европейской культуры и цивилизаціи. Быть стражем этой цивилизаціи, стоять на охранѣ высших человѣческих цѣнностей, волей исторической необходимости или волей Божіей выпадает на долю англійской націи, да пожалуй, всей англійской расы. И эта в высшей степени почетная роль возлагает на англійскую расу тѣм болѣе тяжелыя обязанности.....

В заключеніе позвольте мнѣ, читатель, сказать нѣсколько слов языком мистика. Вѣдь, правда, в наше время, когда люди по уши погрязли в матеріалистическом болотѣ исключительно реальной политики, в грязной тинѣ биржи, торговли и жадной погони за наживой, не мѣшает людям напомнить о существованіи другого міра, міра идей, хотя бы они называли его презрительной кличкой „мистическим“. Но для меня этот мистическій мір обладает такой же реальностью, как для них биржевые расчеты, купеческіе балансы и торговые договоры.

Под утро в воскресеніе 21 ноября 1920 года я на яву видѣл картину: галопирующая лошадь, на которой сидѣл всадник неопредѣленнаго характера, неопредѣленной національности. Затѣм; когда я заснул на короткое время, я видѣл слѣдующій сон. Мнѣ представляется картина жатвы. В полѣ послѣ снятія хлѣба стоит воз, польскій, на который солдаты, одѣтые в защитный цвѣт, похожіе на поляков, складывают снопы на воз. С одной стороны воза-копна сжатаго хлѣба, а с другой стороны выходят новые, колосья хотя маленькіе, но до того полновѣсные, что гнулись к землѣ.

Сразу я не понимал значенія картин, видѣнных мною на яву и во снѣ. Но когда я, сидя в своем кабинетѣ у зубнаго врача, услыхал слова одного только-что вошедшаго пацієнта-рабочаго: „мирные переговоры в Ригѣ прерваны“, значеніе этих картин мнѣ сразу стало ясно.

Галопирующая лошадь—это война; неопредѣленнаго характера всадник, это значит: кто будет участвовать в

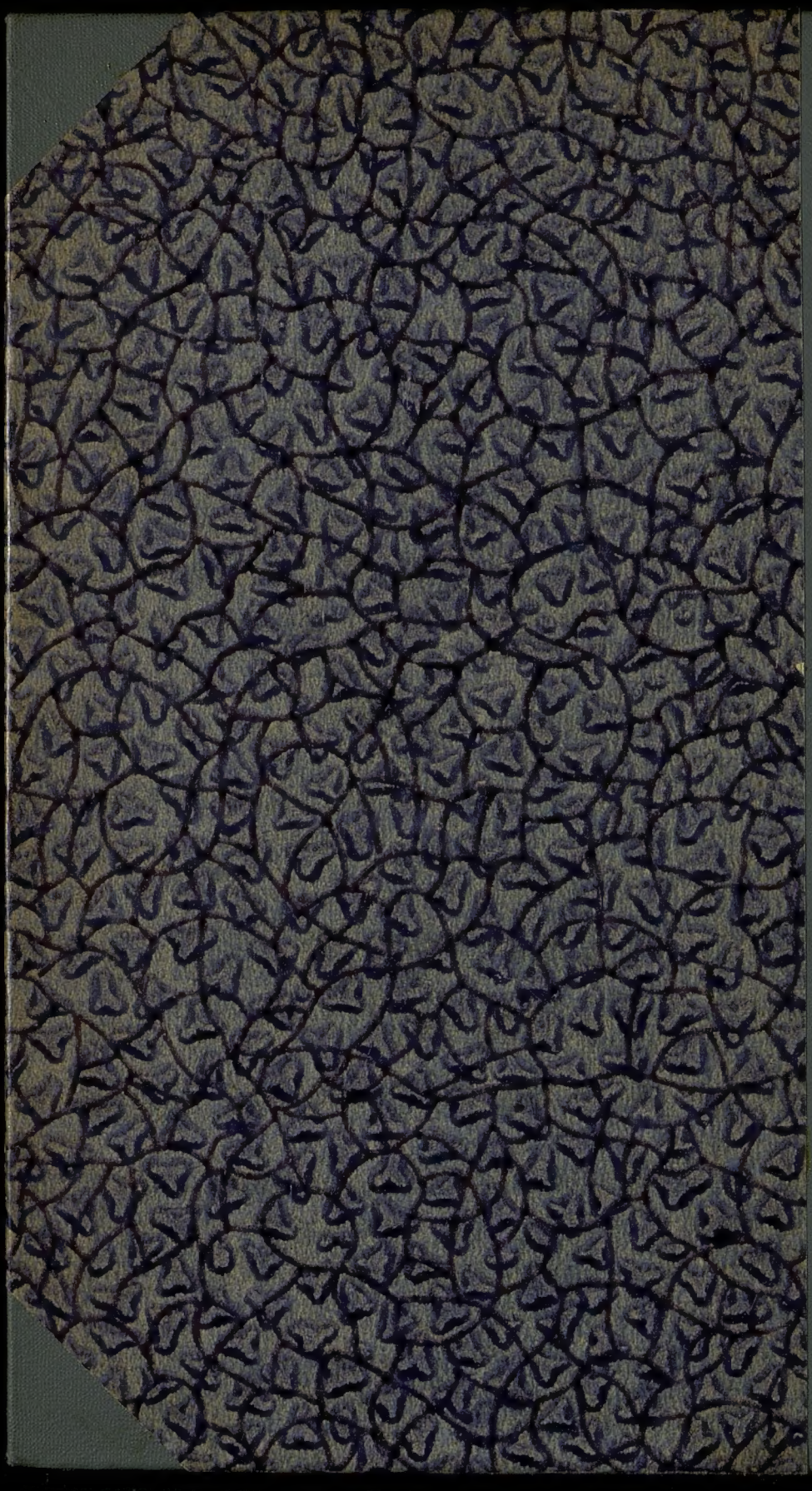
войнѣ, еще не опредѣлено. Снятіе жатвы польскими или подобно им одѣтыми солдатами—их побѣда над врагом.

О значеніи этих картин я сужу по аналогіи со *слѣдующим фактом*. Я прошу читателя вѣрить мнѣ, что то, что я сейчас разскажу, было дѣйствительно подлинным фактом.

Это было в началѣ августа нынѣшняго лѣта. Я поѣздом возвращался в Коханово из Орши, куда я ѣздил хлопотать о переводѣ меня из Отдѣла здравоохраненія в „Пленбеж" для того, чтобы имѣть возможность вслѣд за наступающей красной арміей перевестись в какой нибудь город поближе к Варшавѣ. Так как я все время был в страхѣ, что меня, как врача, не отпустят из почти единственной во всем уѣздѣ больницы, то у меня настроеніе было очень подавленное. Когда поѣзд на большом подъемѣ стал замедлять ход, я вышел на площадку вагона, единственнаго во всем составѣ класснаго вагона. Солнце садилось, наступали сумерки. Воздух был чистый, освѣжающій, ободряющій. И вдруг, как в кинематографѣ, моим глазам представляется слѣдующая картина: французскій всадник в костюмѣ конца XVIII вѣка, верхом на большом и красивом конѣ, головой обращенной на запад. В момонт исчезновенія этой картины вижу другую: маленькая киргизская или сибирская лошадка страшно быстро, галопом, так что всѣ ея ноги были в воздухѣ, бѣжит в обратном направленіи, т. е. с запада на восток.

Вернувшись домой, я разсказал женѣ об этой картинѣ, или „визіи", как мы с женой привыкли называть такія картины, видѣнныя на яву. И мы тут же рѣшили, что онѣ обозначают быстрое отступленіе красной арміи. Что и исполнилось недѣли через двѣ—три.

Drukarnia i Litografja
M. KAHAN
Warszawa, Tłomackie 4.
Telefon 236-02

WT

Kaiser
Heidelberg
GS